

Джеймс СИГЕЛ
СОШЕДШИЙ
С РЕЛЬСОВ

Роман, который
написал Энтони
Джонстон и Кэри
Сунг —
пером тренера Джеймса Сигела

Джеймс Сигел

Сошедший с рельсов

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140151

Джеймс Сигел. Сошедший с рельсов: АСТ, Транзиткнига, АСТ Москва;

Москва; 2006

ISBN 5-17-034412-0, 5-9713-1119-0, 5-9578-3210-3

Оригинал: James Siegel, "Derailed"

Перевод:

А. А. Соколов

Аннотация

Всего лишь опоздание на привычный поезд, на котором Чарльз Шайн каждый день ездил на работу... Всего лишь красивая женщина, сидящая напротив... Всего лишь легкое, ни к чему не обязывающее знакомство?! Нет. Просто – первый шаг в опасный мир шантажа, предательства и преступлений. В мире, где жизнь превращается в хаос, лож тянет за собой новую ложь, а конца кошмару нет и не предвидится. И гибель грозит уже не только самому Чарльзу, но и его семье...

Содержание

«Аттика»	4
Сошедший с рельсов. 1	8
«Аттика»	11
Сошедший с рельсов. 2	14
Сошедший с рельсов. 3	18
Сошедший с рельсов. 4	23
Сошедший с рельсов. 5	30
Сошедший с рельсов. 6	35
Сошедший с рельсов. 7	46
Сошедший с рельсов. 8	58
Сошедший с рельсов. 9	66
Сошедший с рельсов. 10	76
«Аттика»	85
Сошедший с рельсов. 11	89
Сошедший с рельсов. 12	95
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Джеймс Сигел

Сошедший с рельсов

Посвящается Минди, которая заботится о семье не меньше, чем о своем садике, – с большой любовью, неизменной преданностью и незатухающей пылкостью.

Благодарю Сару Энн и просто Сару за неоценимую помощь в создании этого романа. А также Ларри за его веру в меня и, конечно, Ричарда, который немилосердно меня подталкивал.

«Аттика»

Пять дней в неделю я преподавал английский в школе Восточного Беннингтона и два вечера – тот же самый английский в государственной тюрьме «Аттика». Иначе говоря, коротал время, то спрягая глаголы с малолетними правонарушителями, то склоняя причастия с осужденными. Один мой класс ощущал себя так, будто был в тюрьме, а другой по-настоящему отбывал наказание за решеткой.

Вечерами, когда у меня были занятия в «Аттике», я рано ужинал с женой и двумя детьми, целовал на прощание жену и подростка-дочь, вез на закорках до двери четырехлетнего

сына, чмокал его в лобик и обещал заглянуть к нему в спальню, когда вернусь.

А потом все еще в ореоле душевного благополучия забирался в восьмилетний «додж-неон».

Но к тому времени, когда при входе в тюрьму я проходил металлодетектор, это ощущение меня покидало.

Может быть, от того, что натыкался взглядом на медную табличку в комнате посетителей: «В память сотрудников исполнительной службы, погибших во время бунта в тюрьме „Аттика“». И ни слова о погибших заключенных.

Я только недавно начал преподавать в этом месте и еще не решил, кто страшнее: заключенные или надзиратели, которые их охраняли. Скорее всего, надзиратели.

Они меня явно недолюбливали – мои услуги считали роскошью, как кабельное телевидение в тюрьме: ведь заключенные ничего не сделали такого, чтобы все это заслужить. Умничанье какого-то либерала в Олбани¹, которому ни разу не втыкали под ребра перо и не швыряли в морду дерьмом, кому не приходилось отдирать татуированное тело от насквозь пропитанного кровью пола, можно сказать, купаясь прямо в СПИДе.

Они здоровались со мной с едва скрываемым презрением. Бурчали: «Вот и профессор пожаловал». А один из надзирателей написал на стене туалета для посетителей: «Сочув-

¹ Олбани – административный центр штата Нью-Йорк. – Здесь и далее примеч. пер.

ствующая сволочь».

Я их прощал.

Они существовали среди превосходящих сил – обуреваемого ненавистью тюремного народа. И чтобы снести эту ненависть, должны были ненавидеть сами. Им не разрешалось носить оружие, и они вооружались особым отношением к жизни.

Что же до заключенных, которые посещали мои занятия, они казались до странности понятливыми. Многие из них являлись несчастными жертвами драконовских рокфеллеровских законов о наркотиках, согласно которым покупка даже малой дозы кокаина считается тяжким преступлением.

Иногда я давал им письменные задания. Я говорил: «Напишите обо всем, что угодно. Обо всем, что вас интересует».

А потом заставлял зачитывать в классе. До тех пор, пока один черный по имени Бенджамен Вашингтон не понес абсолютную чушь. Он и в самом деле сочинил несусветную ерунду. Над ним посмеялись. Он обиделся и во время завтрака, пока все ели яичницу-болтуню и поджаренные тосты, порезал товарищу спину.

С того дня я изменил тактику.

Все излагают то, что их интересует, и сдают неподписанным. Я читаю вслух, но ни одна душа не знает, кто автор. Знает только автор, и этого вполне достаточно.

Но как-то раз я попросил написать то, что интересовало меня. Их собственную историю. Как, например, они оказа-

лись здесь, на уроке по английскому у мистера Уиддоуза в классе для занятий государственной тюрьмы «Аттика». «Хотите быть писателями, – сказал я им, – начинайте описывать самого писателя».

Возможно, это будет полезно, подумал я, как для меня, так и для них. И уж конечно, интереснее «Крошки-бабочки» – рассказика о последних потугах... Поди угадай, кого именно. Суть в следующем. Крошка нес радость и красоту в заросший сорняками уголок города, пока его не раздавил, как клопа, местный дилер-психопат. В конце страницы приписка: мол, все это чистая аллегория.

Я дал задание в четверг. Через неделю работы посыпались ко мне на стол. Первая – про безвинного парня, которого упекли в тюрьму за вооруженный грабеж. Вторая – про безвинного парня, которого упекли в тюрьму за незаконное хранение наркотиков. Третья – про безвинного парня, которого упекли в тюрьму...

Похоже, все это не так познавательно, как я предполагал. И вдруг...

Очередной рассказ. Вернее, даже не рассказ (хотя заголовок имелся) – пролог к рассказу.

Об очередном безвинном человеке.

Который шел к поезду, чтобы поехать на работу.

Сошедший с рельсов. 1

В то утро Чарлз, открыв глаза, уже через несколько секунд сообразил, почему ему так не хотелось это делать.

Дочь Анна окликнула его из коридора, и он подумал: «Да, да, конечно».

Дочери требовались деньги на обед, записка для учителя физкультуры и доклад, который следовало подготовить вчера.

Все правильно – только не в такой последовательности.

Он умудрился выполнить все три просьбы между душем, бритьем и одеванием. Пришлось. Жена Диана убежала на работу в государственную школу номер 183 и поручила его отвечать за все на свете.

Спустившись вниз, он увидел на кухонном подоконнике глюкометр² Анны и пустой шприц.

* * *

Из-за Анны он и опоздал.

Примчавшись на станцию, он с досадой услышал, как вдали замирает перестук колес.

² Глюкометр – портативный прибор для измерения уровня сахара в крови человека.

Ко времени отправления следующего поезда платформа наполнилась людьми, совершенно ему неизвестными. Он знал по виду большинство тех, кто ездил на 8.43, а теперь его окружало сообщество 9.05, и он будто очутился в чужой стране.

Он нашел место в вагоне и погрузился в изучение спортивной газеты.

Стоял ноябрь. На днях почил в бозе чемпионат по бейсболу, баскетбол только-только поднимал голову, а футбол уже сулил очередной позорный сезон.

Минут двадцать он пребывал в таком положении: взор устремлен на газетный лист, в голове ни единой мысли, только статистические данные – цифры, с которыми у него были особые отношения. Номер своей социальной страховки, например, он умел вызывать из памяти даже во сне. И вызывал-таки порой, чтобы не думать о других цифрах.

О каких?

Ну, скажем, о показателях сахара в крови у Анны, они были пугающе, заоблачно высоки.

Анна больше восьми лет страдала юношеским диабетом.

С ней было не очень хорошо.

А вот число 3,25 ему очень нравилось. Показатель эффективности Роджера Клеменса по прозвищу Ракета – лучший в лиге за прошлый сезон.

Радовало глаз и число 22. Столько очков стабильно добывал за матч Латрелл Спруэлл (нью-йоркский бейсбольный

клуб «Никербокерс»).

На эти выкладки он мог смотреть без содрогания.

Поезд дернулся и остановился.

Пассажиры оказались где-то между станциями – по обеим сторонам пути длинные одноэтажные серовато-коричневые дома. Неожиданно ему пришло в голову, что, хотя он и ездил по этому маршруту довольно часто, все равно не взялся бы описать окрестности вдоль дороги. Став человеком среднего возраста, он прекратил смотреть в окна.

Он опять уткнулся в газету.

Это случилось между заметкой Стива Сербиса о правилах переигровки и сетованиями Майка Стрейханса по поводу падения личного показателя эффективности.

Впоследствии он не мог объяснить, что заставило его поднять глаза.

И бесконечно спрашивал себя, что было бы, если бы он продолжал читать. Мучился фантазиями: если бы так, то тогда бы как? И что теперь?

Но он взглянул поверх газеты.

Девятичасовой поезд продолжал движение из Вавилона до Пен-стейшн. Из Меррика во Фрипорт, Болдуин, Роквил-центр. Из Линбрука в Джамайку, в Форест-Хиллз и в Пен.

А Чарлз безвозвратно и сокрушительно сошел с рельсов.

«Аттика»

Через два дня вечером мой четырехлетний сын забрался после ужина ко мне на колени.

– Пошли на поиски сокровищ, – шепнул я и изобразил пальцами шажки на его позвоночнике. – Вот здесь у нас крестики на карте.

Сын поежился и хихикнул. Он него пахло шампунем, леденцами и пластилином – только ему присущий запах.

– Чтобы добраться до сокровищ, надо шагать широко и бежать трусцой, – бормотал я.

А когда замолчал, сын меня спросил, где же все-таки сокровище. Я ответил как обычно – мы проделывали это путешествие изо дня в день.

– Вот оно, мое сокровище! – И схватил его в охапку. Жена улыбнулась нам с противоположного конца стола.

Я поцеловал их на прощание. И все тянул время – никак не решался выйти из дома. Словно хотел набраться положительных эмоций перед тем, как проехать через кирпичные ворота «Аттики» и войти в зловонное помещение тюрьмы. Словно надеялся, что магическая аура защитит меня от зла.

– Будь осторожен, – попросила с порога жена.

Металлодетектор взвыл, как сирена воздушной тревоги.

Я забыл выложить из кармана ключи от дома.

– Эй, Йобвок, – усмехнулся охранник Хэнк, – ключи-то, они вроде как из металла.

Йобвок играл в задней линии «Ковбоев» и был тем самым сукиным сыном, по поводу которого мы частенько отпускали соленые шуточки.

Должен признаться, Профессор – не единственное мое прозвище.

– Извините, – промямлил я. – Забыл.

Войдя в класс, я заметил на столе продолжение истории о человеке в поезде. Одиннадцать старательно напечатанных страничек.

«Да, – подумал я, – все только начинается».

И оказался прав. Всякий раз, приходя на урок, я находил очередную порцию повествования: иногда одну-две странички, а иногда столько, что хватило бы на несколько глав. Аккуратно сложенные на столе и, как уже заведено, без подписи. История разворачивалась по частям, словно захватывающий телесериал. Она и в самом деле имела все признаки «мыльной оперы»: секс, обман и трагедию.

Я не читал эти отрывки классу – понимал: они предназначались только для меня. Для меня и, разумеется, для самого

автора.

Кстати, об авторе.

В моем классе было двадцать девять учеников: восемнадцать черных, шесть латиноамериканцев и пять бледных, словно призраки, белых.

Я был совершенно убежден, что никто из них никогда не ездил на девятичасовом поезде до Пенсильвания-стейшн.

Так кем же был он?

Сошедший с рельсов. 2

Роскошное бедро – вот что бросилось в глаза поначалу.

Не какое-то заурядное бедро, – а упругое, гладкое и загорелое, бедро, которое явно холили тренировками на бегущей дорожке, бедро в облегающей, по-модному короткой юбке, что из-за позы сидевшей женщины казалась еще короче. Ноги были небрежно положены одна на другую. А длина юбки, надо признаться, находилась на грани пристойности.

Вот что увидел Чарлз, когда поднял глаза.

А еще он заметил черную туфлю на высоком каблуке, выставленную в проход, слегка покачивающуюся в такт движению поезда. Он сидел спиной напротив незнакомки по ходу поезда. Но женщину почти скрывала первая страница «Нью-Йорк таймс» с таким тревожным и таким знакомым заголовком во всю полосу – «Ближний Восток в огне». Поэтому он сосредоточился на бедре в безнадежной надежде, что его хозяйка менее красива.

И напрасно.

Он размышлял, как поступить дальше: то ли снова уткнуться в спортивные новости, то ли уставиться в залепленное грязью окно, то ли углубиться в рекламу банков и авиакомпаний, сплошь украшавшую стены вагона. И вдруг сквозняк смял «Нью-Йорк таймс» настолько сильно, что открыл лицо женщины.

Она была красива.

Вот это настоящее зрелище! Глаза большие, как у лани, – сама нежность. Губы полные, великолепной формы, нижнюю она чуть-чуть прикусила. А волосы? Такие мягкие, что хотелось в них зарыться и вдыхать, без конца вдыхать их аромат.

Он надеялся, что она привлекательна, интересна или просто миловидна. Ничего подобного. Она оказалась потрясающей.

И в этом состояла проблема, потому что в тот период жизни он чувствовал себя особенно уязвимым. Мечтал о чем-то вроде параллельной Вселенной.

Такой, где он был не женат и где не болел его ребенок, где он вообще был бездетным. Там все шло превосходно, и он ощущал в себе силы завоевать целый мир.

Вот почему ему не хотелось, чтобы читательница «Нью-Йорк таймс» оказалась красивой. Вроде как подсмотрел в замочную скважину в ту параллельную Вселенную. И ее хозяйка поманила его пальчиком на ложе.

Хотя всем известно, что параллельная Вселенная только для детей и полных шизоидов.

Ее не существует.

Над ним навис кондуктор и что-то потребовал. Что ему нужно? Неужели не видит, насколько он занят, определяя границы своей жизни?

– Билет, – сказал этот назойливый человек.

Чарлз вспомнил, что забыл забежать на вокзал и купить недельный проездной. Он опоздал, выбился из колеи и теперь ехал зайцем в компании чужаков.

– Забыл купить, – пробормотал он.

– Хорошо, – ответил кондуктор.

– Понимаете, совсем из головы вылетело, что сегодня понедельник.

– Прекрасно.

А Чарлза тем временем осенила еще одна мысль: по понедельникам он брал в привокзальном банкомате деньги, на которые покупал проездной. Деньги, на которые они существовали целую неделю. Деньги, которые он забыл взять.

– В таком случае девять долларов, – заявил кондуктор.

Как многие пары в наши дни, Чарлз и Диана жили на иждивении банкомата, что выдавал подобно доверенному управляющему наличность мелкими порциями. С утра бумажник Чарлза лежал на своем обычном для понедельника месте – на кухонном столе, и Диана, вне всякого сомнения, уходя на работу, вытрясла из него последнюю мелочь. Так что теперь бумажник был пуст.

– Девять долларов. – В голосе послышались нетерпеливые нотки. Кондуктор явно начал выходить из себя.

Чарлз заглянул в бумажник: вдруг между визитными карточками и фотографиями шестилетней давности завалилась двадцатка? К тому же рыться в бумажнике – это именно то, что следует делать, когда у человека требуют деньги.

Так он и поступил.

– Вы задерживаете всех, – сказал кондуктор. – Девять долларов.

– Сейчас-сейчас. – Чарлз продолжал бесполезные поиски, стараясь не показать, как он смущен из-за того, что его застукали без денег среди законопослушных пассажиров.

– Так у вас есть или нет?

– Подождите минуточку...

– Эй, послушайте, я за него заплачу, – предложил кто-то.

Это была она.

Помахала десятидолларовой бумажкой и улыбнулась ему, чем совершенно вывела из душевного равновесия.

Сошедший с рельсов. 3

Они завели разговор.

О пути следования? Конечно.

Куда я еду? На работу? Да.

Мне иногда кажется, сказала она, действуй правительство США так же, как железная дорога Лонг-Айленда, мы бы оказались в незавидном положении.

А он понял, что, может, так и есть, и они уже в незавидном положении.

О погоде? Разумеется.

Осень – мой любимый сезон, призналась она. Но куда она подевалась?

Сбежала в Балтимор, ответил Чарлз.

О работе? Естественно.

Я сочиняю рекламу, сказал Чарлз. Я творческий работник. Режиссер.

А я надуюю клиентов, отозвалась она. Я брокер. И, помолчав, добавила: Шучу.

Рестораны, в которых обедали... колледжи, в которых учились... любимые кинофильмы. Упомянули буквально все.

Кроме браков.

Браков во множественном числе, потому что она носила кольцо на безымянном пальце левой руки. Обручальное.

Возможно, брак не принято обсуждать во время флирта. Если, конечно, то, чем они занимались, именуется флиртом. Чарлз не был в этом уверен. Он был немного старомоден и никогда не чувствовал себя с женщинами свободно.

Но едва она вложила десятидолларовую банкноту в руку кондуктора, как он принялся протестовать: *Не глупите, вам вовсе ни к чему это делать*, и когда кондуктор дал ей доллар сдачи, продолжал возражать: *Нет, серьезно, в этом совершенно нет необходимости*, а потом поднялся и пересел на свободное место рядом с ней.

А что? Разве этого не требовала вежливость? Ведь тебя выручили. И не важно, что у твоего спасителя такая внешность, как у нее.

Бедро подвинулось и освободило ему пространство. И хотя его взгляд был прикован к лицу, от которого захватывало дух, он заметил движение ног, и оно оставалось в его сознании, пока он повторял банальности, всяческие пустяки и расхожие истины.

Он спросил, в какой она работает брокерской конторе.

Моргана Стенли.

И давно?

Восемь лет.

А где прежде работали?

В «Макдональдсе».

Я там работал, когда учился в школе.

Она была чуть-чуть моложе его и сообщила об этом на тот

случай, если он не заметил.

Но он заметил. И теперь подбирал точный эпитет для ее глаз. Ему пришло на ум – *лучистые*. Да, именно лучистые, точно.

– Я верну вам деньги, как только приедем в Пен-стейшн. – Чарлз внезапно вспомнил, что должен ей девять долларов.

– Можно завтра, – ответила она. – И естественно, плюс десять процентов за ссуду.

– В первый раз встречаю акулу-ростовщицу, – рассмеялся он. – Может, вы и коленки дробить умеете?

– Нет, только яйца.

Да, решил он, они все-таки флиртуют. И у него неплохо получается. Наверное, это как кататься на велосипеде или заниматься любовью – навык никогда не забывается. Хотя они с Дианой успели подзабыть.

– Вы всегда ездите этим поездом?

– А что?

– Мне надо знать, чтобы вернуть долг.

– Забудьте. Это всего лишь девять долларов. Как-нибудь переживу.

– Ну уж нет. Я должен их отдать. Таково моральное востребование.

– Моральное востребование? Я вовсе не желаю, чтобы вы его ощущали. Между прочим, вы уверены, что есть такое словосочетание?

Чарлз покраснел:

– Наверное. Видел однажды в кроссворде. Так что, должно быть, есть.

Потом они поспорили о кроссвордах. Ей нравилось их решать, а ему – нет.

Она могла с закрытыми глазами их перещелкать во всех газетах. А ему требовались оба глаза и серое вещество в придачу, именно то, чего и не хватало. Того, что отвечает за сосредоточенность и упорство. Его мозг слишком любил растекаться мыслью по древу и не желал подсказывать, какое, например, слово из шести букв обозначает *печаль*. Согласен, согласен, печаль это чересчур просто. *Грусть*. Та самая *основа*, на которой его мозг последнее время строил параллельную Вселенную, где можно флиртовать с зеленоглазыми женщинами вроде новой знакомой.

Они продолжали треп. Беседа шла, как поезд: то резво двигалась вперед, то замирала в поисках тем, то снова неслась на всех парах. Они очнулись вблизи Ист-Ривер, почти у цели.

– Мне повезло, что вы оказались рядом, – сказал он в темноте.

Флуоресцентные огни вспыхивали и гасли, и он различал только ее силуэт. Все выглядело чистой случайностью: он сел в вагон, с него потребовали девять долларов за билет, ему нечем было платить, и она, распрямив длинные ноги, выручила его.

– Нельзя ли вас попросить сесть завтра на этот же поезд,

чтобы я мог отдать вам долг? – спросил он.

– Считайте, что назначили свидание, – улыбнулась она.

И даже после того, как они пожали на прощание друг другу руки, после того, как она скрылась в толпе на перроне Пен-стейшн, а он еще десять минут дожидался такси и столько же ехал в город, после того, как, поздоровавшись со своим начальником Элиотом, заверил его, мол, бегу-бегу, и после того, как ворвался в кабинет, он размышлял над ее словами.

Она могла сказать: «хорошо». Или «договорились», или «до завтра». Или «отличная идея», или «никудашная мысль». Или «пошлите деньги по почте».

Но она сказала: «Считайте, что назначили свидание».

Ее звали Лусиндой.

Сошедший с рельсов. 4

Что-то назревало.

Элиот сообщил, что явилась клиентка и жаждет поговорить относительно рекламы кредитных карточек. Или, скорее, поднять скандал.

Сорванные сроки, неумелый анализ ситуации, халтурщики-исполнители – надо готовиться получить по полной программе.

А причина типичная.

Экономика.

Дела вообще шли неважнецки из-за сильной конкуренции и невероятно требовательной клиентуры. Перед заказчиками приходилось лебезить – какая уж тут свобода творчества!

Похоже, в ближайшем будущем придется нанести визит главному, устроить творческие посиделки с Папиком и навеяться в налоговую инспекцию. Наступала пора делать огорченное лицо, вытягивать руки по швам и повторять: «Благодарю вас, сэр».

Он вошел в конференц-зал, и один взгляд на кислую физиономию Эллен Вайшлер подтвердил худшие ожидания.

Она скривилась так, словно только что отведала свернувшегося молока или нюхнула нечто отвратительно-мерзкое. И Чарлз понимал, *что* именно ее перекосило. Последний ролик, который они состряпали для ее компании, являлся вер-

хом посредственности: плохой подбор исполнителей, плохой текст и, как следствие, плохая отдача. И не важно, что они рекомендовали другой сюжет. Не важно, что просили, умоляли, даже унижались, убеждая изменить сценарий. И добились своего. Первый вариант рекламы получился более или менее умным и в определенной степени современным. Но тут вмешался заказчик – прежде всего Эллен – и принялся тасовать кадры и выбрасывать удачные планы столь усердно, что каждая новая версия становилась слабее предыдущей. В результате теперь на телеэкраны пять раз в день выскакивает дежурная собачка и машет хвостиком. Все не важно, потому что это *их* позор и *их* деньги – точнее, семнадцать процентов от ста тридцати миллионов долларов, – и точка.

И разумеется, *их* благополучие, ты же помнишь об этом, Чарлз.

Он поздоровался с Эллен непорочным поцелуем в щеку – решил, что это самое подходящее на полпути к своему понижению, и одновременно подумал: а не уместнее ли потрясти руку, готовую его утопить?

– Так-так, – начала Эллен, когда все расселись.

Все, то есть Чарлз, Элиот, рекламщики Ло и Мо и сама Эллен с соратниками от заказчика. «Так-так», – бывало говорила мать Чарлза, когда находила под его кроватью «Плейбой». Это «так-так» требовало объяснений и, конечно, искреннего раскаяния.

– Догадываюсь, вы пришли не за тем, чтобы увеличить

наши коммиссионные, – сказал Чарлз.

Он пошутил, однако никто не рассмеялся. А Эллен по-мрачнела сильнее.

– У нас серьезные проблемы, – сообщила она.

«У нас тоже серьезные проблемы, – подумал Чарлз. – Нам очень мешает, когда заказчик постоянно указывает, что делать. Отвергает предлагаемый материал, не доверяет, кричит. И еще, нам очень не нравятся надутые физиономии». Вот что хотел он сказать. Но произнес совершенно иное.

– Ясно, – бросил он и принял отрепетированный до совершенства униженный вид.

– Похоже, мы говорим, говорим, но никто не слушает, – продолжала Эллен.

– Но мы...

– Именно это я и подразумеваю: сначала извольте выслушать меня, а потом возражайте.

Чарлз заметил, что она вышла за пределы обыкновенной злости и стала откровенно грубить. Будь Эллен просто знакомой, он встал бы и хлопнул дверью. Если бы она тянула меньше, чем на сто тридцать миллионов, посоветовал бы валить куда подальше.

– Разумеется, – пробормотал он.

– Мы договорились о стратегии. Все расписали. Но вы постоянно своевольничали.

Их своеволие заключалось в том, что они пытались сделать ролик остроумнее, занимательнее, вложить в него нечто

такое, что заставило бы потенциального зрителя смотреть на экран, а не в сторону.

– Я говорю о нашей последней рекламе.

«И я о том же».

– Мы обо всем договорились на совете. Решили, каким образом снимать. И вдруг получаем ролик, который не имеет ничего общего с нашими наметками. И к тому же этот пресловутый нью-йоркский юмор...

Если бы она стала ругаться, ввернула бы крепкое словцо, и то выглядела бы не такой тошнотворной.

– Вы же знаете, мы всегда стараемся...

– Я просила вас помолчать.

Теперь она перешла к втоптыванию в грязь. И Чарлз засомневался: может ли человек от такого оправиться.

– Мы были вынуждены отвергать вариант за вариантом, чтобы наконец получить то, за что заплатили деньги. – Она сделала паузу и обвела глазами стол.

Чарлзу эта пауза не понравилась.

Такая пауза не приглашала к ответу. Она предназначалась не для того, чтобы перевести дыхание. Такая пауза предполагала, что за ней последует нечто еще более неприятное, чем уже довелось выслушать. Так замолкали его подружки перед тем, как опустить топор и обрубить последнюю надежду. Или недобросовестные агенты фирм, намереваясь перейти к тому, что указывалось в договоре мелким шрифтом. Или сестры приемного отделения «Скорой помощи», когда собира-

лись сообщить, что произошло с его дочерью.

Эллен подняла голову:

– Может, нам стоит изменить направление?

Что она хотела этим сказать? Во всяком случае, ничего хорошего. Замыслила распроститься с агентством?

Чарлз покосился на Элиота. Показалось странным, что тот сидел, уткнувшись взглядом в стол.

И вдруг он догадался.

Эллен прощалась не с агентством.

Она прогоняла его, Чарлза.

Все не в счет. Десять лет работы, сорок пять рекламных роликов, немалое число наград на фестивалях. Это больше никого не интересовало.

Да, от такого оправиться невозможно. Элиот мог, он – нет. Наверное, Элиота известили заранее. Таких шагов не предпринимают, предварительно кого-нибудь не уведомив.

*Et tu, Brute?*³

Все молчали. Чарлз испугался, что сейчас уронит голову на стол и заплачет. Не требовалось зеркала, чтобы определить: кровь бросилась ему в лицо. Не требовался психиатр, чтобы диагностировать: смертельно ранено самолюбие.

Эллен прокашлялась. Начинается. Сперва она устроила ему выволочку за то, что он говорил без спроса, а теперь ждет, чтобы он что-нибудь сказал. Жаждет прощения об отставке.

³ И ты, Брут? (лат.)

– Вы не хотите, чтобы я дальше занимался вашими делами?

Чарлз постарался произнести это бесстрастно, даже слегка вызывающе. Но ничего не получилось. Тон вышел плачущим, обиженным, жалким.

– Мы, конечно, ценим все созданное вами, у вас замечательные работы, – услышал он. А потом вроде как отрубился. Он подумал, что их славная компания и их славный президент могли бы возмутиться и сказать, что «это мы выбираем, кому здесь заниматься вашими делами. И мы выбрали Чарлза». Не исключено, что они так бы и поступили, если бы сумма не была настолько значительной и дела не шли так паршиво, если бы они вообще не привыкли стоять на коленях перед заказчиками.

Но Элиот по-прежнему не отводил от стола глаз. Чарлза публично потрошили, а он выводил на бумаге каракули. Похоже, босс производил подсчет: с одной стороны 130 миллионов долларов, с другой – Чарлз Шайн. И результат неизменно выходил Чарлзу боком.

Чарлз не позволил ей закончить.

– Было очень приятно, – сказал он, полагая, что наконец попал в нужную тональность: этакий утомленный миром циник с налетом того, что называется *noblesse oblige*⁴.

И словно в горячем тумане покинул конференц-зал. Будто выбрался из котельной.

⁴ Положение обязывает (фр.).

И сразу оказался в совершенно иной климатической зоне. Слух о том, что его отстранили от проекта, уже успел распространиться. Он это видел по лицам.

Чарлз едва кивнул секретарше, прошел к себе в кабинет и закрыл дверь.

Потом, когда жизнь понесется в тартарары, трудно будет припомнить, что все началось именно в это утро.

Вот так.

А пока он прятался за дверью и гадал, сядет или не сядет завтра на девятичасовой поезд Лусинда.

Сошедший с рельсов. 5

Она не села.

Чарлз сначала отстоял на том же месте на платформе, потом прошел состав от первого до последнего вагона – туда и обратно – и вгляделся в лица пассажиров, как человек, встречающий в аэропорту родственников из-за границы: давно не видел, подзабыл и хочет побыстрее узнать.

– Помните женщину, которая ссудила меня деньгами? – спросил он у кондуктора. – Вы ее здесь не заметили?

– Вы о чем? – удивился тот. Он не помнил ни женщины, ни Чарлза. Наверное, привык ругаться с безбилетниками и потому вчерашняя драма не отложилась у него в памяти.

– Не важно, – пробормотал Чарлз.

Ее не было.

Чарлз слегка удивился, что его это тронуло и что он мотался по вагонам, словно бездомный в поисках теплого угла.

Кто она такая, в конце концов? Замужняя дама, с которой он невинно заигрывал по дороге на работу. *Безобидно*, потому что в первый и в последний раз. В таком случае зачем понадобилось ее искать?

Может быть, потому, что он хотел поговорить? О том, о сем, о другом? Например, о том, что случилось с ним вчера на работе. Диане он об этом так и не решился рассказать.

Готовился. Честно.

– Что было на работе? – спросила она за ужином.

Вполне законный вопрос. Более того, он его ждал. Но жена казалась усталой и встревоженной. Когда Чарлз вошел на кухню, она просматривала записи показателей сахара в крови дочери, и он ответил:

– Все в порядке.

Больше они о работе не говорили.

В начале болезни дочери единственной темой их бесед был диабет. Но когда поняли, какое дочери уготовано будущее, сменили тему, потому что говорить значило признать неизбежное.

У них сложился целый свод табу на упоминание возможной карьеры Анны, статей в журнале «Диабет сегодня», об ампутации рук и ног. Вообще на разговоры обо всем плохом. Потому что сетовать по поводу чего-то плохого, кроме недуга Анны, значило умалять значение самой Анны.

– Меня сегодня проверяла миссис Джеффриз, – сообщила Диана. Миссис Джеффриз была директором ее школы.

– И как все прошло?

– Замечательно. Ты же знаешь, какие она закатывает истерики, когда я отступаю от плана урока.

– А ты отступала?

– Да. Но я дала задание написать сочинение «За что мы любим нашего директора». Так что ей не на что было жаловаться.

Чарлз рассмеялся и вспомнил, что в былые времена в се-

мье Шайн часто смеялись. Он посмотрел на жену и решил: а она до сих пор красива.

Блондинка (наверное, не без помощи «Клерола»⁵). Волосы пышные и кудрявые, так что с ними не справляется белая эластичная лента, повязанная вокруг головы. Темно-карие глаза, которые всегда смотрят на него с любовью. От уголков разбегаются усталые морщинки, словно бороздки от слез. На фотографиях НАСА поверхность Марса изрезана линиями. По мнению астрономов, это высохшие русла рек. «Так и Диана, – подумал Чарлз, – выплакала все».

После ужина все поднялись наверх. Чарлз решил помочь Анне с сочинением за восьмой класс по обществоведению. Тема была «Отделение церкви от государства». Дочь сразу врубила MTV на полную громкость.

– Какие шаги предпринимали Соединенные Штаты для отделения церкви от государства? – спросил Чарлз совершенно серьезно и даже строго, надеясь, что Анна осознает: телевизор необходимо выключить.

Дочь не уловила его намек, тогда он встал перед экраном и заслонил Бритни, Мэнди или Кристину. Анна попросила его подвинуться.

– Сей момент. – Чарлз задергал руками и ногами, изображая испуганного цыпленка. Мол, видишь, *двигаюсь*.

Это вызвало у девочки улыбку. Большое достижение, если

⁵ «Клерол» – товарный знак средств ухода за волосами компании «Бристол-Майерс скуибб».

учесть, что настроение его тринадцатилетней дочери обычно колебалось от мрачного до совсем угрюмого. И надо сказать, не без причины.

Покончив с сочинением, Чарлз чмокнул Анну в макушку, и дочь проворчала то ли «спокойной ночи», то ли «пошел на фиг».

А он отправился в спальню, где под одеялом лежала Диана и притворялась спящей.

* * *

На следующее утро он столкнулся в лифте с Элиотом.

– Могу я кое о чем спросить? – начал Чарлз.

– Разумеется.

– Ты знал, что они явились с намерением отстранить меня от дела?

– Я знал, что они пришли с претензиями по поводу рекламы. А то, что тебя отстранили, свидетельствует о серьезности их претензий.

– Я спрашиваю, ты знал, что назревало?

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Зачем тебе знать, был я в курсе или нет? Какая тебе разница, Чарлз? Назрело, и все.

Двери лифта раздвинулись. На этаже стояла Мо с двумя блокнотами и новым творческим режиссером проекта.

– Вы вниз? – спросила она.

Сошедший с рельсов. 6

– Лусинда, – проговорил он. Или, скорее, проскулил.

Так, по крайней мере, показалось ему – звук, подобный тому, что издает собака, когда ей наступают на хвост.

Она снова оказалась в поезде.

Чарлз не заметил ее, когда садился. Развернул газету и моментально погрузился в мир спорта: «Тренер Фэссел сокрушается по поводу недостатка напора четверки своих нападающих в прошлое воскресенье...»

Но вот опять возникла черная туфелька на каблукешпильке, и точно клинок нацелился в его сердце. Чарлз поднял глаза и обнажил для удара грудь.

– Лусинда...

Секундой позже ее идеальное лицо переместилось в проход, и она уставилась на Чарлза сквозь очки в черной оправе – а ведь в прошлый раз на ней не было никаких очков, он это точно помнил. Ее улыбка вспыхнула, словно прожектор, в полный накал. Нет, скорее, как матовая лампа, мягкий свет которой скрадывает контрасты, и от этого все выглядит красивее, чем есть на самом деле. Лусинда сказала:

– Привет.

Это сладостное слово прозвучало вполне искренне – женщина, казалось, обрадовалась ему. Хотя их свидание состоялось на три дня позднее и на четыре ряда дальше, чем пред-

полагалось.

– Почему бы вам не перебраться ко мне? – поинтересовалась она.

В самом деле, почему бы и нет?

Она поджала свои несусветно длинные ноги, чтобы его пропустить.

– В самое время. А то я собиралась заявить в полицию о краже девяти долларов.

Чарлз улыбнулся:

– Я искал вас на следующий день по всему поезду.

– Рассказывайте!

– Нет-нет, правда.

– Я шучу, Чарлз.

– Я тоже, – солгал он.

– В таком случае, – она протянула руку с безукоризненно отполированными кроваво-красными ногтями, – расплачивайтесь.

– Разумеется. – Он достал бумажник, быстро спрятал фотографию Анны, словно она служила предостережением, на которое не хотелось обращать внимание, вынул десятидолларовую банкноту и передал Лусинде. Кончики пальцев скользнули по ее горячей и слегка влажной коже.

– Ваша дочь? – спросила Лусинда.

Чарлз, чувствуя, что покраснел, ответил:

– Да.

– Сколько ей лет?

– Очень много лет. – Тон умудренного опытом человека, который не верит, что кому-то дано понять его отцовские муки. Эдакое добродушное «Я ее люблю и все такое, но временами не отказал бы себе в удовольствии свернуть ей шею»

– Расскажите мне о ней.

Значит, у нее тоже есть дети. Конечно, а как же иначе?

– Дочери? – спросил Чарлз.

– Одна.

– Отлично. Я показал вам свою. Теперь ваша очередь.

Она рассмеялась. Один-ноль в пользу Чарлза-ловеласа. Она потянулась за сумкой – из тех, что отличаются множественством всяческих вместилищ. Такие сумки можно брать в походы, если бы их не делали из самой дорогой кожи. Лусинда нашла бумажник, открыла и продемонстрировала фотографию.

На снимке была изображена очень симпатичная девчушка лет пяти на качелях, наверное, за городом. Белокурые волосы разлетелись в разные стороны. Веснушчатое лицо, круглые коленки и очаровательная улыбка.

– Она восхитительна, – похвалил Чарлз и не покривил душой.

– Спасибо. А то я иногда совершенно об этом забываю. – Лусинда явно подстраивалась под его родительский тон. – Ваша, насколько можно судить, тоже очень мила.

– Ангел, – ответил Чарлз и тут же пожалел, что это слово сорвалось у него с языка.

Подошел кондуктор и попросил предъявить билеты. Чарлз чуть было не полюбопытствовал, не вспомнил ли он теперь эту женщину. Ведь кондуктор так и пялился на ее ноги.

– Вот, – сказала она, когда кондуктор наконец исчез. – Это вам. – И подала Чарлзу долларовую бумажку.

– А как же проценты?

– На сей раз прощаю.

Его заинтриговало, что означало «на сей раз».

– Я не помню, чтобы на вас были очки, – сказал он.

– Надо приобрести новые контактные линзы.

– Кстати, очки вам очень идут.

– Вы так считаете?

– Да.

– Я не слишком серьезная?

– Мне нравятся серьезные.

– Почему?

– Что «почему»? Почему мне нравятся серьезные?

– Да, Чарлз, почему вам нравятся серьезные?

– Если серьезно... не знаю.

Лусинда улыбнулась:

– А вы забавный.

– Стараюсь.

Они проезжали Роквилл-центр, и из окна вагона стал хорошо виден кинотеатр, куда он часто водил Диану. На мгновение в голове возникла сюрреалистическая мешанина, и Чарлз представил, что крепко зацепился в своей новой Все-

ленной – устроился с удобствами в Чарлзвилле. Они недавно поженились с Лусиндой и вот едут вместе на работу и треплются о недавнем медовом месяце. Где же они его провели? Ах да, на Кауаи⁶. Две недели в шикарном номере в тамошнем «Хилтоне». Уже подумывают заводить детей – в конце концов, они же не молодеют. Девочку и мальчика, решили они. Хотя пол не имеет особого значения – были бы здоровы...

– Трудный предстоит денек? – спросила Лусинда.

– Трудный? Конечно.

Придется отбредиваться от рассерженных заказчиков, которые явятся по его душу, и отмахиваться от начальников, которые так и норовят его предать. На какую-то долю секунды Чарлзу захотелось поделиться с ней неприятностями и, найдя теплое местечко у нее на плече, выплакаться.

– У меня тоже.

– Что?

– Будет нелегкий день.

– Наверное, в эти дни много неприятных звонков.

– Если считать неприятным звонком, когда тебя грозят убить, то – да.

– А вы тоже забавная, – улыбнулся Чарлз.

– Полагаете?

– Во времена, получше нынешних, вы, наверное, нравились клиентам.

⁶ Кауаи – гористый остров округлой формы, самый северный в гряде Гавайских островов.

– Шутите? Они же всегда считают, что вы зарабатываете им недостаточно денег. У каждого находится кузен, свояк или бабушка, чей капитал вырос в шестьдесят четыре раза против его.

– Понятно. Это что-то вроде метания стрел.

– Именно. Только теперь все мечут стрелы в меня.

Чарлзу показалось, что он различил в ее речи легкий акцент.

– Вы родились в Нью-Йорке?

– Нет, в Техасе. Я из семьи военного. Росла везде и нигде.

– Должно быть, пришлось несладко. – Чарлз решил, что подобное заключение как нельзя точнее соответствует его банальной внешности.

– Раз в полгода лучшие подружки меняют имена. Но с другой стороны, и ты можешь постоянно обновляться. Если прокололась на чем-то в Амарилло, то в Сарасоте ни к чему об этом знать. Все чисто.

– Ясно, – хмыкнул Чарлз.

Пассажир напротив притворялся, будто читает газету, но на самом деле занимался тем же самым, чем недавно кондуктор: использовал любую возможность поглазеть на ляжки Лусинды. И Чарлза охватила законная гордость собственника, хотя его права на Лусинду действовали всего лишь в течение двадцати минут поездки до Пен-стейшн.

– И часто это случается? – спросил Чарлз.

– Что? – не поняла она.

– Такие неприятности с вами.

– Раз или два. Бунтовала против авторитетов.

– Это ваше определение?

– Нет – их. Я называла это просто надраться.

– Авторитеты – ваши родители?

– Да. И военный психиатр, к которому меня заставляли ходить.

– И как это было?

– Вам когда-нибудь приходилось общаться с военным психиатром?

– Полная некомпетентность? Преступная небрежность в лечении больных? Нет.

Лусинда рассмеялась:

– Я же говорила, вы забавный.

«Ну конечно, обхохочешься».

– Позвоните и расскажите об этом моим заказчикам.

– Непременно. Как дела на работе?

– Прекрасно.

– Вы говорили, что занимаетесь... Рекламой?

– Рекламой.

– И как дела у нас нынче с рекламой?

– Бывают хорошие деньки, бывают плохие.

– И?

– "И"?

– Как насчет сегодня?

– Меня убьют – просто разотрут в мелкий порошок.

– Давайте, продолжайте. Вы пожалуетесь на свои неприятности, я на свои. Честная сделка.

И черт побери, он все ей рассказал!

Сначала решил признаться, что у него небольшие проблемы с заказчиком, но, начав, не сумел остановиться. Слушал себя и изумлялся, до чего же разоткровенничался насчет недавнего Sturm und Drang⁷ в их конторе. Негодующая Эллен Вайшлер. Гнусный предатель Элиот. Несправедливость всего, что случилось.

Чарлз думал, она в какой-то момент его остановит. Скажет: «Ну хватит» или «Неужели так нужно об этом рассказывать?» – или вообще высмеет.

Но ничего подобного. Лусинда внимательно его выслушала. А когда он закончил, сказала:

– А считается, брокерам хуже всех.

– Не знаю, почему я вам все это рассказал. Простите, – смутился Чарлз. Хотя извиняться было в принципе не за что. Ощущал ли он неловкость? Естественно. Но в то же время ощущал некое облегчение. Словно избавился от вчерашней тухлятины и снова обрел способность принимать пищу.

А Лусинда не только выслушала. Она коснулась рукой его правого плеча. Ободряюще пожала, успокаивающе потрепала, по-сестрински стиснула.

– Бедняга.

⁷ Буря и натиск (нем.). Так называлось течение в немецкой литературе конца XVIII в.

И Чарлз невольно подумал, что на некоторые клише люди с презрением смотрят исключительно из зависти. Например, «ее прикосновение пронзало, словно током». О подобном выражении скажут: «Абсолютная белиберда». Но только те, кто не может в данный момент это испытывать. Хотя таких людей подавляющее большинство. Но ее прикосновение на самом деле электризовало – тело Чарлза гудело, как высоковольтная линия, протянутая над сухой равниной Канзаса.

Поезд ворвался в тоннель под Ист-Ривер. «Тоннель любви», – подумал Чарлз и на секунду испугался, как бы не наклониться к Лусинде и не совершить глупость.

Такую, за которую его уведут с платформы Пен-стейшн в наручниках.

А затем произошло нечто неожиданное.

В вагоне стало темно, хоть выколи глаза. Свет померк моментально, как обычно, когда состав попадал под Ист-Ривер. Чарлзу показалось, что он сидит в темном кинотеатре и ждет, когда на выручку поспеет фосфоресцирующее мерцание экрана. Или что-нибудь иное. Он чувствовал в темноте ее запах. Сирень и мускус.

И вдруг ухом ощутил ее дыхание. Губы Лусинды приблизились настолько, что можно было их поцеловать. И они что-то шептали.

Свет вспыхнул и сразу погас, вагон погрузился в призрачные сумерки.

Ничто не изменилось.

Упорный извращенец напротив по-прежнему пялился на ляжки Лусинды. По другую сторону прохода дремала женщина со вздутыми от варикоза венами на икрах. Дальше сидели худощавый банкир, школьник, согнувшийся над учебником, стенографистка, бережно держащая в руках распечатку протокола судебного заседания.

Ничто не изменилось, только Лусинда смотрела вперед. Уж не собиралась ли она опять уткнуться в газету – ознакомиться с положением дел на АМЕКСе⁸, свериться с индексом НАСДАК⁹ и заодно просмотреть зарубежные индексы и цены на муниципальные акции?

Чарлз немного подождал, не вспомнит ли она о нем, и принялся смотреть в окно. Поезд проезжал мимо огромного плаката: "Затеряйтесь на «Виргинских островах»¹⁰".

На подъезде к платформе Пен-стейшн Чарлз спросил у Лусинды, не могли бы они как-нибудь вместе пообедать.

* * *

Ты самый сексуальный мужчина из всех, кого я когда-ли-

⁸ АМЕКС (American Stock Exchange) – вторая по значению (после Нью-Йоркской) фондовая биржа, крупнейший рынок иностранных ценных бумаг в США.

⁹ НАСДАК – индекс внебиржевого рынка. Публикуется ежедневно Национальной ассоциацией дилеров по ценным бумагам.

¹⁰ «Виргинские острова» – национальный парк США. Занимает большую часть острова Сент-Джон и острова Хассел. Основан в 1956 г.

бо встречала.

Вот что Лусинда прошептала ему на ухо в тоннеле любви.

Сошедший с рельсов. 7

– Назови-ка мне семь бейсболистов, – покосился на него Уинстон, – чтобы у каждого было по сорок или больше круговых пробежек и в фамилиях по одиннадцати букв.

– Ястржемский, – не задумываясь ответил Чарлз, вспомнив звезду бостонской команды – здешнего парня, выросшего на картофельной ферме Лонг-Айленда.

– Ладно, – отозвался Уинстон и загнул палец. – Первый.

Уинстон Бойко служил в почтовой экспедиции. Он был бейсбольным фанатом и хорошим рассказчиком.

И захаживал в кабинет Чарлза с тех пор, как впервые увидел его в выцветшей рубашке клуба «Янки».

– Вы что-нибудь хотите? – спросил его тогда Чарлз.

– Да, – ответил Уинстон. – Не могли бы вы подсказать первоначальный состав «Янки», сезон семьдесят восьмого года?

Чарлз вспомнил всех, кроме первого полевого игрока Джима Спенсера. И с этого началась их дружба. Или что-то вроде того.

Чарлз не знал, где живет Уинстон, есть ли у него жена или девушка. Их приятельские отношения основывались на трепе о бейсболе – по десять минут в день, когда Уинстон приносил почту: раз утром, раз вечером.

Сейчас было утро. Уинстон довольно скалился, потому что Чарлз не мог назвать никого, кроме Яза.

Киллбру. Пардон, это семь букв.

Петрочелли. Мысль хорошая, но букв-то десять.

– Может, дашь мне время до вечера?

– Чтобы ты пересмотрел составы, а потом притворился, будто вспомнил?

– Да.

– Ну хорошо. Давай.

Уинстон не был похож на обычного почтальона. Во-первых, он был белым. Во-вторых, достаточно сообразительным, чтобы самому писать тексты. Чарлз не раз задумывался, почему он всего-навсего разносит чужие бумажки. Но никогда не спрашивал. Они были не настолько близки.

Уинстон посмотрел на него с озабоченностью:

– Шеф, ты в порядке?

– В порядке, – отозвался Чарлз, хотя ничего подобного не чувствовал. Он получил от изменщика-босса заказ на рекламу болеутоляющих средств с припиской в конце страницы: «До лучших времен». Только когда наступят эти времена?

И теперь он сидел и думал о грядущем обеде. И о той, с кем он будет обедать. О женщине с лучистыми глазами.

Я никогда не обманывал Диану, думал Чарлз.

Ни разу.

Не то чтобы он время от времени не испытывал такого желания. Мучительно испытывал – симптомы иногда напоминали тревожные признаки сердечного приступа: легкая потливость, тупая боль в груди, небольшая тошнота. Стоило ему

собраться идти дальше, как возникали такие симптомы.

Или того хуже.

Трудность заключалась в том, что он, как и Диана, считал неверность не просто загулом, а предательством. А предательство ассоциировалось в его голове с Бенедиктом Арнольдом¹¹ и скандалом «Блэк сокс»¹². Предателя либо проклинают, либо казнят. Кроме того, Чарлз любил жену. Во всяком случае, любил ее постоянное присутствие рядом.

Но все это было до того, как жизнь его предала. До того, как он начал мечтать о переселении в параллельную Вселенную.

– Неважно выглядишь, – встревожился Уинстон. – Это, часом, не заразно?

– Нет.

Разве можно подхватить то, что случилось с ним?

– Вот и Дик Лемберг тоже так говорил.

– Дик Лемберг – кто это такой?

– Никто не знает. Умер, и все.

– Спасибо, успокоил, – заметил Чарлз.

¹¹ Бенедикт Арнольд (1741—1801) – герой Войны за независимость. В июне 1778 г. был назначен военным комендантом города Филадельфии. Вел расточительный образ жизни, наделал долгов и, обиженный на конгресс, задержавший ему присвоение генеральского чина, за 20 тысяч фунтов предложил англичанам секреты форта Уэст-Пойнт.

¹² «Блэк сокс» – ироническое прозвище скандала, потрясшего мир бейсбола в 1919—1920 гг. и приведшего к радикальной реорганизации его управленческих структур. Скандал разгорелся после того, как игрок «Чикаго уайт сокс» признался, что получил взятку за то, чтобы повлиять на итоги чемпионата 1919 г.

– Даю тебе наколку, – продолжал Уинстон.

– Наколку?

– Насчет остальных игроков. Трое из Американской лиги.

– А почему ты не сказал, что четверо из Национальной?

– А ты ничего, в порядке, сообщаешь.

Уинстон не обладал менталитетом «синего воротничка», зато имел комплекцию работяги. Казалось, он способен побить любого, стоит лишь захотеть. На предплечье у него красовалась татуировка «АБ».

– Совершил ошибку, – как-то признался он Чарлзу.

– Что сделал наколку?

– Да нет, что встречался с этой девахой, Амандой Барнс.

А тату мне нравится. Кстати, я совсем не уверен, – сказал он, вставая и собираясь уходить, – что это семь игроков с одиннадцатю буквами в фамилиях, а не наоборот. Мы трепались об этом с одним парнем около двух ночи. Так что, может, я и перепутал.

* * *

Они встретились в итальянском ресторане на пересечении Пятьдесят шестой и Восьмой улиц, о котором шла слава, что сюда захаживал Фрэнк Синатра.

Наряд Лусинды потряс его, если считать признаком потрясения глаза, увлажнившиеся от обожания и возбуждения. На ней была блузка с треугольным вырезом, которая не ви-

села, не ниспадала, не скрывала, а *облегла*.

Возможно, всему виной были расходившиеся нервы. Это как встреча с поставщиком: никогда не знаешь, чего ожидать.

И посему Чарлз задал ей вопрос, словно товарищу по работе:

– Чем занимается ваш муж?

– Играет в гольф, – ответила она.

– За деньги?

– Надеюсь, нет.

– И как долго вы...

– Женаты? Достаточно, чтобы не сразу вспомнить. А вы?

– Восемнадцать лет. – Чарлзу не требовалось производить подсчетов. Да и не хотелось. Хотя, если так рассудить, разве их разговор о супругах не являлся свидетельством того, что между ними не происходило ровно ничего предосудительного, что все оставалось абсолютно невинным?

– Восемнадцать лет назад я училась в начальной школе, – заметила Лусинда.

И Чарлз мгновенно начал подсчитывать, сколько ей лет. Что-то около тридцати?

– Ну так что там у вас? – спросила она. – Снова нож в спину?

– Получил новый заказ на рекламу.

– Неужели?

– Какой-то аспирин. Врачи утверждают, будто он в два ра-

за действительнее нынешнего.

– Поразительно!

– Впрочем, те же врачи теперь вообще не рекомендуют употреблять аспирин.

– И что вы собираетесь делать?

– Понятия не имею. Сплошная головная боль.

Лусинда рассмеялась. У нее были тонкие запястья и сужающиеся к кончикам пальцы, которыми она смахивала длинные темные волосы с глаз – точнее, с одного глаза, и Чарлз вспомнил Веронику Лейк в «Этом наемном убийце».

– Как вы оказались...

– В рекламе? Никто не знает, как оказывается в рекламе.

Таинство. Вдруг вы в деле – и все.

– Нечто вроде брака?

– Брак? Боюсь, что не совсем вас понимаю.

– Хотите – верьте, хотите – нет, я не помню, чтобы стремилась замуж. Не припоминаю, как говорила «да». Хотя определенно говорила.

Лусинда повернула кольцо с алмазом, словно желала убедиться, что оно на пальце и она в самом деле замужем. Неужели обаяние Чарлза заставило ее забыть о семье?

– Вы познакомились с мужем в Техасе?

– Нет. В Техасе я покуривала травку и считалась пропащей.

– Ах да, вы же были юной правонарушительницей.

– В Амарилло это называлось бунтарством. А вы? Что по-

дельвал юный Чарлз?

– Боюсь, что жил пайнкой. Юный Чарлз много читал и вовремя сдавал сочинения и курсовые работы.

– Значит, вы были тем самым увальнем, над которым все потешались?

– Увы.

* * *

Чарлз купался в отсветах недавнего свидания.

И к сожалению, тарасился на папку с названием «Обзор пожеланий заказчика».

Реклама болеутоляющих и моющих средств, как и дезодорантов, далеко не всегда вызывает восторг у исполнителя. Рекламщики живут в мире, который мало замечает их работу, исключая, конечно, заказчиков. Зато те устраивают постоянный экзамен, переэкзаменовку и снова экзамен их задумкам. И как бы удачно ни складывались отношения, дело все равно кончается домохозяйкой, волокущей к телеобъективу сумку с товаром и клянущейся, что теперь ее жизнь круто изменилась.

Чарлз унаследовал не только заказ, но и начатую работу. Ее успели проверить и перепроверить, а затем отослали в три торговых дома для обеспечения финансированием. Один из них – «Хэдквотерз продакшен» – был рекомендован агентством. Чарлз знал бизнесменов: Том Муни – старомодный

зануда, а Фуллер Браш – человек с большими завихрениями.

Исполнительный директор его нового заказа Мэри Уидгер направила ему на ознакомление телесценарий. На этот раз обошлось без сумки с товаром. Домохозяйка протягивала болеутоляющее мужу и сулила ему новую жизнь.

Чарлз позвонил продюсеру агентства Дэвиду Френкелу. Раньше им не доводилось работать вместе, поскольку Дэвид занимался такой рекламой, с которой Чарлз столкнулся впервые.

– Да, – сказал в телефон Френкел. – Кто это?

– Чарлз Шайн.

– О, Чарлз Шайн!

– Похоже, нам предстоит общее дельце.

– Давно пора, – ответил Дэвид, и Чарлз так и не понял, то ли он таким образом проявлял дружелюбие, то ли выражал удовлетворение выдворением Чарлза в страну анальгетиков.

Чарлз все-таки решил, что к нему проявляли дружелюбие. Продюсер агентства обеспечивал финансирование сценария, согласовывал, к обоюдному удовольствию, гонорары и участвовал в создании ролика.

– А не многовато ли за работу? – поинтересовался Чарлз, имея в виду проставленную карандашом сумму внизу листа. Ее уже разбили по статьям на редактирование, озвучивание, послесъемочные затраты и комиссионные агентства и направили на согласование заказчику.

Девятьсот двадцать пять тысяч долларов за два съемоч-

НЫХ ДНЯ.

– Они всегда так платят, – буркнул Дэвид.

– А не много ли за двух актеров и склянку аспирина?

– Такая цена, – бесстрастно сообщил Дэвид.

– Прекрасно.

Сумма не должна была беспокоить Чарлза, коль скоро она не взволновала заказчика. А если верить Дэвиду, она заказчика не взволновала.

Тем не менее, Чарлзу она показалась чересчур завышенной.

– Послушайте, давайте сойдемся на следующей неделе и вместе по всему пробежимся.

– У меня каждая минута на счету, – ответил Дэвид.

И Чарлз догадался, что продюсер все же не грешил дружелюбием.

* * *

Второе свидание больше напоминало обед, чем встречу людей, которых тянуло друг к другу.

Когда принесли десерт – пирожные и капуччино, Лусинда сказала:

– Вы не рассказывали о своей дочери. Какая она?

– Нормальная.

– Нормальная?

– Да. Нормальная.

– И это все? Не слишком вы словоохотливы.

– Грубая, своенравная, раздражительная. В общем, обычная.

Он, естественно, не объяснил, почему его дочь такая.

Но Лусинда столь ласково-вопросительно на него посмотрела, что Чарлз не выдержал и признался:

– Она больна.

– О!

– Юношеский диабет. И не тот, когда больной принимает инсулин, и все в порядке. Сложный случай.

– Мне очень жаль, – проговорила Лусинда.

– Мне тоже.

Она оказалась превосходной слушательницей.

Чарлз понял это через десять минут рассказа, как восемь лет назад они с Дианой привели здоровую девочку в приемный покой «Скорой помощи», а вернулись домой с тяжело больным ребенком, которому следует дважды в день делать уколы. Теперь им приходится постоянно опасаться, как бы она не провалилась в гипогликемическую кому. Приобретать специальный инсулин на основе свиных клеток, потому что другие виды не действуют. Но состояние Анны все равно ухудшается.

Лусинда слушала с искренним состраданием. Качала головой, вздыхала, вежливо задавала вопросы, если что-то не понимала.

– Свиной инсулин, что это такое?

Чарлз объяснил, как умел. И когда перестал выворачиваться наизнанку, Лусинда не стала утешать его банальностями. И он это оценил.

– Не понимаю, как вы выносите, – сказала она. – Просто не понимаю. А как держится Анна?

– Превосходно. Вся в дырках, как подушечка для иголок. Это был способ справиться с бедой: надоевшая шутка, избитая острота, смех пред ликом несчастья.

– Вас это все, наверное, доводит? – спросила Лусинда после того, как он рассказал об уколах и пороссячем инсулине.

– Что «доводит»? – переспросил Чарлз и подумал: «О да, до отупения».

– Ничего. Не важно, – ответила она.

* * *

О чем говорят люди, если нельзя говорить о будущем?

О прошлом.

Фразы начинаются: «А помнишь...», или «Я сегодня проходил мимо детского садика Анны...», или «Я вспоминал наш отпуск в Вермонте...»

За ужином Чарлз и Диана вспоминали, как в холодном лыжном приюте в Стоу у них замерзло в бутылочке молоко Анны. Закончив есть, сложили посуду, и Чарлз отправился наверх проверить ноги Анны – дочь нехотя позволила ему посмотреть. А потом, не выключая телевизора, легли в по-

стель.

Как-то так получилось, что рука жены коснулась его руки. Его нога прошла по ее ноге. Словно конечности сами знали, что им делать. А тела вопили: *сколько же можно? Мы замерзли! Нам одиноко!*

Чарлз встал и закрыл дверь. Ни единого слова о том, что они делали. Скользнул обратно в кровать и обнял Диану. Сердце бешено колотилось, когда он целовал жену и думал, как же ему этого не хватало.

Но перед тем как стать любовниками, они снова сделались чужими. Непонятно, как это случилось. Чарлз накрыл ее своим телом, потянулся к губам, готовился скользнуть внутрь, но внезапно их движения сковала странная неловкость, словно они стали двумя кусочками головоломки, не соответствующими одна другой. Пробовали и так и этак, но ничего не выходило. Диана толкнула его в грудь – он скатился с нее. Потянулся поцеловать – она медленно повернула голову. Маняще улыбнулась. Чарлз снова оказался на ней, но жена как застыла. Чарлз сжался и отпрянул.

Они откатились в разные стороны кровати и не пожелали друг другу спокойной ночи.

Сошедший с рельсов. 8

Чарлз и не понял, как получилось, что от обедов они перешли к вечерним коктейлям.

От фруктов и пирожных – к напиткам с солеными орешками.

Обед – это нечто такое, что можно делать с друзьями. А выпивка – это то, чем занимаются с очень хорошими друзьями. Когда они договаривались об обеде, достаточно было звонка Лусинде. Но когда речь заходила о вечернем коктейле, приходилось звонить Диане и объяснять, почему он придет поздно. То есть лгать.

А лгуном он был таким же никудышным, как и шутником. Но все дается с опытом.

– Мне сегодня придется задержаться на работе, – сказал он по телефону в день первого вечернего свидания.

– Я опять работаю допоздна, – сообщил в следующий раз. И на третий – то же.

Постепенно Чарлз понял, что жизнь для него меняется. Что большую часть времени он так или иначе ждет встречи с Лусиндой.

Бар «Темпл».

«Китс».

И наконец, «Хулиганз», где оба поняли, к чему все идет.

Возможно, все дело в напитках. Чарлз решил отказаться

от своего обычного «Каберне» и взять «Маргариту». А потом, не исключено, и повторить.

Они расположились у стойки.

После второй порции у него прояснилось в глазах. Или, наоборот, помутилось. Посетители бара расплылись, зато силуэт Лусинды сделался четче.

– Мне кажется, ты хочешь меня подпоить, – заметила она.

– Ничего подобного. Я хочу тебя напоить.

– Все правильно. Я уже одурела.

– Ты красиво одурела.

– Это потому, что ты сам одурел.

– Согласен.

Лусинда в самом деле выглядела очень красивой – взгляд нисколько не потускнел. Платье до смешного короткое и обтягивающее – бедра поблескивали от нейлона.

– Что ты сказал жене? – спросила она.

– Сказал, что встречаюсь с очень красивой женщиной, с которой познакомился в лонг-айлендской электричке.

– Ха!

– А ты что сказала мужу?

– То же самое, – рассмеялась Лусинда. – Что пойду выпить с очень красивой женщиной, с которой познакомилась в лонг-айлендской электричке. – Она отвела в сторону руку с красным напитком, чтобы не брызнуть себе на платье.

Муж, солидный флегматичный мужчина на двадцать лет старше ее, скучен до тошноты, жаловалась Лусинда. В по-

следнее время его единственной страстью стал гольф.

– Знаешь... – начал Чарлз. – Знаешь...

– Что?

– Забыл.

Он собирался что-то сказать, о чем, как он смутно чувствовал, мог потом пожалеть. Но растерял слова, когда она подняла на него свои удивительные зеленые глаза. Если ревность – это зеленоглазый зверь, то что же такое любовь? Зеленоглазый ангел?

– Что мы делаем, Чарлз? – Лусинда посерьезнела. Может быть, она тоже собиралась сказать нечто такое, о чем придется потом пожалеть?

– Выпиваем, – ответил он.

– Я хотела спросить: что мы станем делать после того, как выпьем?

– Закажем еще.

– А потом?

Пока Чарлз придумывал ответ, в баре появился мужчина неопределенного возраста. Оказывается, в этом мире они были не одни. Подавая знаки бармену, мужчина втиснулся между ними и устоялся на ноги Лусинды.

– Давайте я вас угощу, – предложил он.

– Спасибо, – отказалась Лусинда и показала стакан с «Маргаритой».

– Тогда я куплю вам весь бар.

– Не возражаю. Вперед.

– Извините, – проговорил Чарлз. Он видел, что мужчина едва держится на ногах.

– А вас я не собираюсь угощать, – заявил незнакомец.

– Очень смешно. Только, знаете ли, я разговаривал с этой дамой.

– И я тоже.

Чарлз не мог разобрать, дурачится мужчина или действительно пьян в стельку. Ясно было одно – этот тип непозволительно груб.

– Мы правда разговаривали, – подтвердила Лусинда. – Так что...

– Ниточка за иголкой.

– Хорошо, мы пошли... – Лусинда повернулась к Чарлзу.

– Остайся, – потребовал незнакомец.

Лусинда слезла со стула и попыталась его обойти.

– Ты не слышала, что я сказал?

– Извините.

– Потрясающе. Сучонка нас покидает.

И Чарлз ударил его. Он не помнил, чтобы в жизни кого-то бил, и очень удивился, что бить так же больно, как когда избивают тебя. И еще удивился, что незнакомец опрокинулся и у него на губах показалась кровь.

– Он меня очень сильно оскорбил, – объяснила Лусинда внезапно возникшим официантам.

Из глубины ресторана подоспел взволнованный человек. Менеджер, догадался Чарлз.

– Может, вам всем лучше уйти? – предложил он. Но осуществить это было непросто. Мужчина, пытаясь подняться, копошился на полу, а Чарлз, потирая ноющий кулак, пребывал в замешательстве.

– Конечно-конечно, – опомнился он и направился в гардероб взять пальто Лусинды. Он чувствовал, что на него обращены глаза всех присутствующих. Но его волновали глаза только одного человека – зеленые, полные благодарности.

А разве нет? Разве он не проучил негодяя? Не спас даму? Не защитил ее честь?

На улице было ветрено. Похолодало настолько, что изо рта шел пар.

– Давай возьмем такси до вокзала, – предложила Лусинда. От резких порывов ветра у нее на глазах выступили слезы. Или она расчувствовалась от его доблести?

– Забудь о поезде, – сказал он. – Я возьму машину и довезу тебя до дома.

– Ты уверен?

– Да.

– Думаешь, это хорошая мысль?

– А почему бы и нет?

– Нас могут увидеть. – Первое признание, что они совершали нечто недозволенное.

– В вагоне нас тоже могут увидеть.

– В вагоне всегда незнакомые люди сидят рядом. Такси – совершенно иное.

– Хорошо, как хочешь. – Сам не сознавая как, он тронул ее за руку и почувствовал сквозь рукав пальто тепло ее тела. Будто жар подо льдом.

– Мне кажется, машина – не совсем то, что надо, – начала она.

– Согласен.

– Я могу сделать нечто такое, что не должна...

– Отключиться? – подсказал Чарлз с улыбкой, хотя было совершенно неподходящее время для шуток: он чувствовал, как Лусинда тянется к нему, становится намного ближе, чем раньше.

– Проглотить тебя, – закончила она.

– Тогда решено. Ловим такси.

Она поцеловала его.

Но дело было даже не в поцелуе – получилось нечто вроде искусственного дыхания «рот в рот», Чарлзу казалось, что он воскресает из мертвых.

Они целовались и целовались. А когда оторвались друг от друга, не могли отдышаться, словно выбрались на берег из моря, где провели дня полтора.

– Ух! Ох! – простонала Лусинда.

И точно выразила его ощущения. Впрочем, вполне хватило бы и одного возгласа – восклицания удивления и необузданной радости. Ладно-ладно, обузданной, поскольку он знал: в будущем их поджидают осложнения.

Осложнения, у которых были имена и облики людей, за-

конно претендовавших на их любовь и верность, невзирая на то, что все это вдруг разом отступило на край Вселенной, как несколько минут назад – посетители бара.

* * *

В машине, устроившись на заднем сиденье, они все время прижимались друг к другу. Хотя слово «прижиматься» народ перестает употреблять после определенного возраста.

Они снова целовались, и Чарлз покрывал поцелуями не только ее губы, но и макушку, едва заметный шрам на внутренней стороне руки (несчастный случай на спортплощадке), темные мягкие брови. Он косился на шофера, который то и дело поглядывал в зеркало заднего вида и в то же время умудрялся обзирать все остальное. И следует признать, остальное было очень даже ничего, особенно раскрасневшиеся лица, ее-то уж точно; и сам он чувствовал жар. Вернее, не жар, а духоту. Их словно обволакивала дождевая туча, готовая промочить до костей. Когда это случится, он будет, как Джин Келли¹³, танцевать по лужам.

Они сливались губами на Ван-Кортланд-авеню, стискивали друг другу руки под сенью «Ши»¹⁴ и прижимались на

¹³ Джин Келли (наст. имя Юджин Карран) – американский киноактер, певец, танцор, режиссер и хореограф.

¹⁴ «Ши» – «Флашинг-Медоу-Корона». Парковый комплекс в Куинсе, построенный для Всемирной выставки 1939 г. на месте гигантской городской свалки.

Гранд-Сентрал-паркуэй. Он готов был биться об заклад, что никто в мире не испытывал ничего подобного, хотя прекрасно понимал, что это неправда. Первейший грех любого безнадёжного поклонника – отрицание. Он превратился в самого настоящего наркомана: не мог пропустить две остановки городского транспорта без того, чтобы ее не поцеловать, прослушать три песни на музыкальной волне FM 101,6, чтобы не пробежаться по ее телу руками.

– Притормози, – попросила Лусинда, когда такси приблизилось к съезду на Медоубрук-паркуэй. Название предполагало, что где-то здесь среди луга течет ручеек. Однако ни луга, ни ручейка в окрестностях не наблюдалось – одна сплошная темнота. Лусинда обратилась к водителю, но вполне могла и к Чарлзу, тому тоже пора было давить на тормоза, иначе он рисковал пополнить число тех, что полегли в этом странствии неизвестно куда.

– Я выйду здесь, – сказала Лусинда и добавила: – Муж дома.

– А где твой дом?

– Через несколько кварталов.

Они остановились на углу Евклид-авеню. Кстати, дерево с таким именем больше не растет на Лонг-Айленде.

– Встретимся завтра в поезде, – сказала на прощание Лусинда.

Сошедший с рельсов. 9

Отель назывался «Фэрфакс». Он давно нуждался в ремонте и прозябал в неизвестности. Всякий нормальный человек спешил проехать мимо, чтобы подыскать что-нибудь попримечнее. Но только не Чарлз и только не теперь.

Он ехал туда, чтобы провести утро с Лусиндой.

* * *

Чарлз наконец набрался храбрости и сделал предложение.

Перед этим они еще дважды посещали ресторан, а потом вели себя в такси словно обезумевшие от взыгравших гормонов старшекласники. Целовали, ласкали друг друга, обнимали. И вот наступило время *развивать отношения*. Чарлз произнес именно эти слова и, удивляясь, как они сорвались с языка, испытал бесконечную благодарность Лусинде за то, что она его не высмеяла за напыщенность. И гораздо сильнее обрадовался, когда через несколько секунд услышал: «А почему бы и нет?»

Он завел разговор между двумя чашками кофе на вокзале Пен-стейшн. Затем они шли, взявшись за руки, по Седьмой авеню и ехали в такси. Лусинда сходила через семьдесят кварталов, но ведь семьдесят кварталов – это тоже время,

чтобы побыть с ней рядом и привыкнуть к мысли о предстоящей близости. «Куда?» – спросила она. Интересный вопрос. Куда направиться, чтобы довершить дело? Они проехали одну гостиницу в такси. «Нет, – возразила Лусинда. – Слишком близко к Пен-стейшн». Вторая гостиница показалась ей паршивой. Так они забрались в самый центр.

Отель «Фэрфакс».

Справа корейская закусочная, слева – женский оздоровительный центр. Сомнительная репутация? Пожалуй. Но такие гостиницы как раз и предназначены для подобных встреч.

– То, что надо, – согласилась Лусинда.

И они назначили встречу.

* * *

Поезд подошел к Пен-стейшн.

Чарлз заметил, что они притихли, как боксеры перед главным поединком жизни.

Большую часть пути Чарлз считал минуты между станциями: от Меррика до Фрипорта, от Болдуина до Рок-вилл-центр. Под покровом темноты Ист-Ривер Лусинда схватила его за руку и стиснула пальцы. Они были холодными, как лед, будто вся кровь застыла в нем. От чувства вины? От стыда? От страха?

Было во всем этом нечто закономерное. До этого они дви-

гались словно в потемках, но теперь обо всем договорились заранее. По дороге к стоянке такси Лусинда прижалась к нему. Но Чарлзу показалось, не столько от желания, сколько по инерции. Будто он тащил ее насильно, как багаж, по эскалатору и к выходу с вокзала.

Чарлз понимал: одно дело прокатиться на такси, совсем другое ехать в гостиницу с намерением заняться любовью.

Внутри отель «Фэрфакс» выглядел не лучше, чем снаружи: такой же серый, тусклый и убогий. В вестибюле пахло камфарой.

Пока они шли к регистрационной конторке, у Чарлза возникло ощущение, будто ее побелевшие от напряжения пальцы подбираются к его горлу. Он сказал портье, что расплатится наличными, и получил ключ от номера 1207.

На лифте они поднимались молча.

Когда на двенадцатом этаже двери кабины раздвинулись, Чарлз хотел пропустить Лусинду вперед:

– Дамы идут первыми.

– Возраст почтеннее красоты, – отозвалась она, и они вышли вместе.

«В коридоре не помешало бы зажечь несколько лампочек», – подумал Чарлз, потому что свет поступал только через наполовину занавешенное окно слева от лифта. Ковровая дорожка воняла плесенью и табаком.

Номер 1207 оказался в самом конце коридора, в самой гуще сумерек, и Чарлзу пришлось прищуриться, чтобы разо-

брать цифры на двери.

Вот что им досталось за девяносто пять долларов в нью-йоркском Сити: пропахшая моющими средствами комната с двуспальной кроватью, деформированная настольная лампа и стол – все впритык.

Жара стояла, как на экваторе, и никаких видимых средств, чтобы с ней справиться.

Крышка унитаза была запечатана белой бумагой. Честь первого пользования досталась Чарлзу. Он направился в туалет, как только вошел в номер, – нервы.

А когда вышел из ванной, Лусинда сидела на кровати и нажимала кнопки телевизионного пульта. Но на экране ничего не появлялось.

– Телевизор за дополнительную плату, – предположил Чарлз.

– Ты хочешь?..

– Нет.

Они вели себя с неловкой предупредительностью, словно незнакомые люди на первом свидании. Чрезмерная заботливость от смущения, решил Чарлз.

– Присаживайся, – сказала она.

Он сел на стул.

– Я имела в виду, сюда.

– Конечно.

Он скинул пальто и повесил в гардероб рядом с ее. Затем прошагал к кровати – невеликое расстояние, учитывая раз-

меры комнаты, – и опустился рядом.

Мне нельзя здесь быть. Надо встать и уйти. Я должен...

Он положил ее голову себе на плечо.

– Ну вот мы и пришли.

– Да.

Чарлз почувствовал, что рубашка насквозь промокла от пота.

– Ладно, – вздохнула Лусинда. – Что ты хочешь: остаться или уйти?

– Да.

– "Да" – что? То или другое?

– Остаться. Или уйти. Ты-то сама чего хочешь?

– Потрахатья с тобой, – ответила она. – Мне кажется, я хочу с тобой потрахатья.

* * *

Это случилось, когда они собирались уходить.

Они не спеша одевались. Чарлз осматривал комнату: как бы чего не забыть.

Потом они направились к выходу.

Чарлз открыл дверь и хотел переступить порог.

Лусинда следовала за ним, и он ощущал ее аромат – в ванной она успела слегка надушиться. Но вдруг он уловил какой-то иной запах.

Чарлза стукнули, и он упал на пол. Ударили по ребрам,

в живот, и он задохнулся. Лусинда рухнула на него. Затем оказалась рядом, на полу.

Дверь захлопнулась, щелкнул замок.

– Только пикни, и я разнесу тебе долбаную башку, – прозвучал чей-то голос.

Человек с пистолетом. Чарлз видел его, низкорослого, и ствол, черный с матовым блеском.

– Возьмите все мои деньги и отпустите нас, – предложил Чарлз. – Берите все.

– Что?

Незнакомец был темным. «Латинос, – подумал Чарлз. – Характерный акцент».

– Что ты, падла, сказал?

– Мои деньги. Они – ваши.

– Я велел тебе заткнуться.

Он снова ударил Чарлза. На этот раз не под ребра, а значительно ниже, и Чарлз застонал.

– Пожалуйста, – попросила Лусинда дрожащим голосом маленькой девочки. Голосом, какого не может быть у взрослой женщины. – Пожалуйста, не бейте нас.

– "Не бейте нас", – передразнил незнакомец, явно потешаясь над ее страхом. Над ее писклявым, детским голосом. – Не бойся, крошка, я не буду тебя бить. У-ух! А теперь кидайте-ка сюда свои бумажники.

Чарлз полез в карман, долго возился с пропитанной потом подкладкой и наконец дрожащей рукой вытащил портмоне.

Такое случается только в кино. О таком пишут на первых страницах газет. Такое бывает с кем-нибудь еще, но не с нами.

Он бросил портмоне человеку с пистолетом. Лусинда лихорадочно искала свой бумажник – тот, где хранилась фотография пятилетней девочки на качелях в деревне. Девочки, снятой где-то далеко от затрапезного номера 1207 в гостинице «Фэрфакс».

Когда она подавала грабителю бумажник, тот пересчитывал наличность Чарлза – не такую уж маленькую. Деньги, из которых Чарлз собирался расплатиться за номер. Забрав доллары, незнакомец ухмыльнулся.

– Вы только посмотрите! – Он вылупился на фотографии Чарлза: Анну, Диану и его самого. Семейство Шайн. – Забавно, – хмыкнул он и повернулся к Лусинде: – И кто это тут? Гадом буду, точно не ты. – И снова обратился к Чарлзу: – Явно не она, Чарлз.

Исследовав бумажник Лусинды, он нашел ее снимки.

– Вот так так. Парень, Чарлз, на тебя несколько не похож. Не ты это, Чарлз. – Грабитель фыркнул и расхохотался. Он что-то понял. – Знаете, что я думаю? Эй! – Он пихнул Чарлза в бок, не столь сильно, как прежде, но вполне увесисто. – Ты меня слышишь? Знаешь, что я думаю?

– Что?

– Вот тебе и «что»! Я думаю, ребята, вы пришли сюда потрахаться. Изменяешь своей старушке, приятель? Решил

немного пошалить? Вот чем ты занимаешься, Чарли.

– Пожалуйста, возьмите мои деньги, – попросил Чарлз.

– Забрать твои деньги? Твои долбанные деньги? А это что? – Грабитель поднес к его носу купюры. – Видишь? Вот твои деньги! Они уже у меня!

– Вижу. Обещаем, мы не заявим в полицию.

– Обещаешь? А? Это хорошо. Это очень хорошо, Чарлз. Значит, я могу полагаться на твое слово? Ну тогда... – Он помахал пистолетом, и иссиня-черный тупорылый ствол нарисовал в воздухе несколько кругов: от Чарлза к Лусинде и обратно. – Ну тогда... Если ты обещаешь не обращаться в полицию и все такое...

Лусинда тряслась на полу, как мокрая бездомная шавка.

– Эй, крошка, – позвал ее грабитель. – Слышь, кошечка...

– Пожалуйста, – всхлипнула она.

– Как девочка, Чарлз? Готов поспорить, лучше твоей старушки. Миленькая киска. Крепенькая.

Чарлз начал подниматься на ноги. Он вообразил, что опять находится в баре. Лусинду оскорбляют – надо одернуть обидчика. Только на этот раз все произошло по-другому: незнакомец ударил Чарлза пистолетом по лицу, и он упал навзничь. Но прежде чем почувствовать боль, он услышал хруст. Сначала хруст, потом боль. Хруст ломающегося носа и тошнотворная боль перелома. Затем на пол потекла кровь.

– Ты что-то сказал, Чарлз? Я не расслышал. Что ты сказал? Ты сказал, что ее может трахать каждый, кто захочет?

Очень хорошо, Чарлз. Чрезвычайно любезно с твоей стороны. Пожалуй, я поймею твою сучку.

– Нет! – завопила Лусинда. – Нет!

– Нет? Ты сказала нет? Ты что не слышала, Лусинда? Он разрешил тебя потрахать. – Незнакомец в первый раз назвал ее по имени, и это было не менее страшно, чем когда он сбил их с ног и отобрал бумажники. – Твой красавчик мне разрешил. Дала ему, значит, можешь дать и мне. Шлюха, она и есть шлюха. Я верно говорю, Чарлз?

Чарлз захлебывался кровью, он тонул в собственной крови, с трудом втягивая воздух.

– Нужно сесть, Чарлз, – сказал грабитель, поднял его с пола и повел к единственному стулу, у которого из-под обивки с выцветшим растительным рисунком вылезал войлок. – Давай садись. Так лучше, Чарлз? Дыши глубже – вдох, выдох. Ты занял хорошее место. Чемпионат по траханью, приятель. Двенадцать раундов. Никак нельзя пропустить.

Лусинда бросилась бежать.

Этого незнакомец с пистолетом от нее никак не ожидал – только что лежала и тряслась и вдруг подпрыгнула и кинулась наутек. Она успела добежать до самой двери.

Даже сумела повернуть ручку и наполовину открыть створку. Но тут он ее настиг и затащил обратно. За волосы. Темные шелковистые, с привкусом шампуня и пота. Такие мягкие, что не надо расчесывать гребенкой – можно просто приглаживать рукой. Он намотал их себе на палец, и она за-

кричала.

– А ну-ка заткнись! – приказал грабитель и вставил ей дуло в рот так, что ствол ударил по зубам. И она замолчала.

Чарлз все еще сопел и плевал кровью. Голова настолько кружилась, что он чуть не терял сознание, переносицу опалаляли белые вспышки. Он видел, как грабитель валил Лусинду на пол, словно они танцевали какое-то новомодное *pas de deux*¹⁵, как навис над ней. Как задрал ее юбку, крякнул и присвистнул. Как медленно стянул до колен ее черные кружевные трусики.

И расстегнул молнию на брюках.

¹⁵ Па-де-де (фр.).

Сошедший с рельсов. 10

Он терял сознание не раз и не два, но грабитель тут же возвращал его к жизни – брызгал в лицо водой и шептал на ухо:

– Не вырубайся, приятель. Второй раунд, детка... Третий раунд... Четвертый...

Все было как в плохом порнофильме, который не хочется смотреть, но ролик оказался у ваших приятелей, и тут уж никуда не деться: отводишь глаза, а все равно замечаешь, что происходит на экране. Женщина с собакой, колбаска экскрементов, и она ее глотает. Тошнотворно, нельзя поверить, но так и есть. В желудке спазмы, рвота подступает к горлу, кажется, сейчас вывернет наизнанку. Но ты должен смотреть в телевизор. Неизвестно почему, но должен.

Он и Лусинда. Красивая обнаженная Лусинда и он.

Она была так прекрасна. А мерзавец поставил ее на локти и колени и насиловал в зад. И при этом сообщал Чарлзу обо всем, что делал, – вел что-то вроде комментария:

– Гляди, Чарлз, как надо любить их в задницу. Они тебе наплетут, что им это не нравится. Врут! Все шлюхи обожают, когда их трахают в зад.

Он велел ей стонать. Приставил пистолет к голове и, прыгая у нее на спине, заставлял вопить. И она стонала. Наверное, от боли. Но казалось, от наслаждения. Стоны и есть сто-

ны. Кто решится определить, чем они вызваны? Вот только глаза у Лусинды были крепко зажмурены, тушь текла с ресниц, и кровь проступала на искусанной нижней губе.

А Чарлз все смотрел. Сидел на стуле, будто привязанный, хотя его никто не привязывал.

– Смотри, Чарли, как дает... Вот так, детка... Вот так. Глотай папочкин подарок.

Картина изменилась. Он больше не насиловал ее сзади. Стоял перед ней и сжимал в ладонях лицо – красивое лицо Лусинды. А она давилась и икала, но эти звуки только сильнее распалили насильника.

– О... да... да... смотри, Чарлз... Чарли... не пропусти ничего... Вот сейчас... сейчас кончу...

А потом Лусинда лежала, распластавшись на полу. Но много ли прошло времени? Чарлз в то утро и в тот день перестал воспринимать всякие «потом». Лусинда была покрыта потом и спермой и едва двигалась. Умерла? Нет, еще дышала. Только едва-едва. Чарлз посмотрел на запекшуюся на руках кровь. Чья это кровь? Он забыл, что его, что у него нос, похоже, сломан.

А грабитель стоял над ней и тер себе крайнюю плоть, голый, в одних носках и теннисных тапках. Смотрел на лежащую на полу женщину и возбуждал себя для нового раунда секса. Какого: пятого? шестого?

– Ты еще с нами, Чарлз? – спросил он. – Взбодрись, приятель. Сейчас опять начнется.

И началось.

Он снова ее взял. Словно марионетку, швырнул на кровать. Вертел и так, и сяк. Задрал к ушам ноги, раскинул руки. Похохатывал, не спешил – передвигал на дюйм туда, на дюйм сюда. Лусинда обмякла, будто неживая, будто тряпичная кукла.

А Чарлз рискнул испытать судьбу еще раз. Не он – его мужское начало, сознание рептилии метнулось со стула в сторону человека, который готовился изнасиловать Лусинду в пятый или шестой раз.

У него тут же закружилась голова. Он тыкался, словно слепой, крутился, как волчок, на одном месте и не мог определить, куда идти. Запинался, спотыкался, шатался. А грабитель его не замечал и продолжал возиться с Лусиндой, наверное, забыл, что Чарлз находится в комнате. Наконец Чарлз сориентировался, подошел к подонку сзади, схватил за горло и стиснул пальцы изо всей силы.

Он вложил в это всего себя, словно у него не осталось никаких «завтра», – поистине убийственную, стальную хватку. Но незнакомец спокойно, даже лениво поднялся и отпихнул его, будто выкинул в сторону мусор. Чарлз неуклюже шлепнулся на пол, не понимая, что случилось. Грабитель усмехнулся и покачал головой:

– Чарлз, Чарлз, что с тобой? Я тебе устроил грандиозное зрелище – чемпионат по траханью. Ты ничего подобного не видел. И вот твоя благодарность! Дерьмо. Придется надрать

тебе задницу. Вышибить из тебя дух.

Чарлз что-то пробормотал в ответ.

– Пустяки, Чарлз, давай успокоимся. Сейчас я сосчитаю до десяти, и все будет в порядке. Понимаю, тебе тоже хочется. Насмотрелся на секс-машину и разогрелся. Я все понимаю. Но не сегодня, приятель. Сегодня не твоя очередь. Усек?

Лусинда так и застыла в похабной позе, как модель, заскучавшая в ожидании, когда щелкнет затвор фотоаппарата. Правда, выглядела она не скучающей, а умершей. Она даже не оглянулась на своего незадачливого спасителя, который в итоге просто поменял место: пересел с балкона в первый ряд.

А незнакомца наивное геройство Чарлза только сильнее возбудило, и он опустился на колени между белых бедер Лусинды. Там, где каких-то два часа назад лежал Чарлз. И все началось снова. Так близко от Чарлза, что он мог бы коснуться рукой темного тела – не ударить, не остановить, лишь дотронуться.

– О Чарлз, – прошептал насильник, – она бархатная. Гладкая, как долбаный бархат...

* * *

После того как он ушел, им потребовалось время, чтобы осознать: его больше нет в комнате.

Чарлз слышал, как хлопнула дверь, он даже видел, как

негодяй переступил порог. Мало того, разобрал прощальные слова: «Не хочется уходить, но...» Однако продолжал сидеть на полу, словно пистолет был по-прежнему направлен ему в голову. Словно насильник до сих пор стонал, уткнувшись в волосы Лусинды, и в нескольких дюймах от лица Чарлза подкидывал свой нелепый зад.

И Лусинда все еще лежала, неприлично раскинув ноги. Так шлюхи в Амстердаме устраиваются в витринах, соблазняя прохожих. Только у них менее пугающий вид, и космы не слипаются от пота, крови и засохшей спермы.

Чарлз шевельнулся.

Двинул сначала одной ногой, потом другой, как человек, пробующий воду. Будто хотел убедиться, что может перемещаться в пространстве, хотя идти куда бы то ни было вовсе не жаждал. Затем он, покачиваясь, встал.

Вслед за Чарлзом задвигалась и Лусинда. Молча медленно свела бедра, спрятав то место, которое напоминало открытую рану. Приподнялась, проковыляла в ванную и закрыла за собой дверь.

Чарлз услышал шум хлынувшей воды из-под крана и шуршание полотенца по коже. После раздался звук рвоты и рев воды в унитазе.

Ему тоже нужно помыться – кровь на руках, на лице... Нос, судя по всему, распух и округлился, как у клоуна. А может, он и есть клоун – рыжий Чарли, которого лупят по лицу и в пах, пока главная артистка улаживает публику звездным

номером. Вот она выходит из ванной. Все такая же молчаливая – о чем говорить с шутком? Такая же помятая и растерзанная, только наспех смывшая с себя грязь. По-прежнему голая, будто это больше не имеет значения. Ведь нельзя быть более обнаженной, чем она пятнадцать минут назад, когда ее распинали и насиловали. Одежда потеряла смысл. Или дело в другом? В том, что клоуны не в счет – они лишняя деталь в мироустройстве, поэтому абсолютно не важно, что они видят, коль скоро не могут действовать.

«Ты в порядке?» – чуть не спросил Чарлз. Слова уже вертелись на языке, но он внезапно понял, как безнадежно они прозвучали бы, как теперь неуместны. Какой тут порядок? Она больше никогда не будет в порядке.

– Я отвезу тебя в больницу, – сказал он.

– Нет. – Ее первое за несколько часов слово, обращенное к нему.

– Тебя необходимо осмотреть.

– Нет, – повторила Лусинда. – На меня сегодня достаточно насмотрелись. – Голос звучал безжизненно, как у плохой актрисы, казался деревянным, и это пугало сильнее, чем рыдания, сильнее, чем слезы. Если бы Лусинда расплакалась, Чарлз обнял бы ее и попытался утешить. А так он ничем не мог ей помочь.

Она начала одеваться – медленно, беззастенчиво натягивать предмет за предметом. А Чарлз прошел в ванную и вздрогнул, увидев в зеркале свое отражение. Поначалу он

решил, что на него смотрит другой человек.

Невероятно, чтобы это был он! Это же настоящий рыжий Чарли. С клоунским носом, нарумяненный, в идиотском парике.

Он приложил мокрое полотенце к переносице, и ее обожгло, как йодом. Пригладил волосы и попытался смыть со щек кровь.

Когда он вернулся в комнату, Лусинда была более или менее готова к выходу на люди. Один чулок разодран, на юбке прореха, но в целом нагота прикрыта. Лусинда производила впечатление манекена, которого тряпки превратили в женщину, но не в живого человека.

– Что будем делать? – спросил Чарлз. Скорее даже не ее, а себя, потому что не имел понятия, что следует предпринять в подобных обстоятельствах.

– Ничего, – ответила она.

Это прозвучало смешно, нелепо, вопиюще абсурдно. Преступник торжествует, жертвы избиты до крови. И что делать? *Ничего!*

Однако антонимом «ничего» является «что-то». Ах, если бы придумать, что именно!

Обратиться в полицию?

Разумеется. Вот только...

Что вы делали в отеле «Фэрфакс»?

Знаете ли, мы там...

Чем вы занимались утром в отеле «Фэрфакс»?

Дело в том, что...

Чем вы занимались в отеле «Фэрфакс» вдвоем?

Уделите мне минуту, и я вам все объясню...

Здесь, видимо, придется попросить о некоторой доле скромности, и, возможно, им будет оказано снисхождение. Детектив подмигнет и скажет: «Все ясно». Так что дело останется в тайне, волноваться не о чем. Вот только...

Кроме них, в этом деле замешан третий. Преступник. Иногда случается так, что преступников ловят. Человек заявляет в полицию, копы производят арест и передают правонарушителя в суд. Потом происходит открытый процесс и отчеты о нем появляются на первых полосах газет. На процессе выступают свидетели – встают и говорят: «Он это совершил, ваша честь». А свидетели – Чарлз и Лусинда.

Что вы делали в отеле «Фэрфакс»?

Знаете ли, мы там...

Чем вы занимались утром в отеле «Фэрфакс»?

Дело в том, что...

Отвечайте на вопрос.

Что делать? Вот в чем вопрос.

Ничего. Может быть, это не столь абсурдно, как показалось на первый взгляд. Не так смешно.

Но неужели они способны отмахнуться от того, что с ними случилось? Неужели Лусинда в силах забыть об этом, как о грубом замечании или вульгарной выходке? Лечь спать, проснуться и жить дальше, как ни в чем не бывало?

– Я ухожу, – сказала Лусинда.

– Куда?

– Домой.

Домой. К белокурой пятилетней дочери, которая еще ни разу в жизни не встречала такие качели, чтобы ей не понравились. К помешанному на гольфе мужу, который то ли заметит у супруги, то ли нет внезапную бледность щек, прокушенную губу, затравленное выражение лица.

– Мне очень жаль, Лусинда, – сказал Чарлз.

– Да, – откликнулась она.

Он жалел обо всем. О том, что зазвал ее сюда. О том, что не заметил мужчину, слонявшегося по коридору на «их» этаже. Что сидел и наблюдал, как грабитель снова и снова ее насилует. Что не сумел ее защитить.

Лусинда поплелась к двери. Ничего не осталось от ее изящной походки – она с усилием переставляла ноги. Она не обернулась. Чарлз хотел предложить вызвать ей такси, но решил, что она откажется. Он больше не мог ей ничего дать. Она от него больше ничего не ждала.

Лусинда повернула ручку, вышла в коридор и закрыла за собой дверь.

«Аттика»

Извините, я должен здесь прерваться.

Нужно кое-что прояснить.

* * *

В среду в дверь позвонил человек. Он сказал, что хочет посмотреть дом, а адрес получил у агента по продаже недвижимости.

Ему открыла жена и сообщила, что дом не продается. Наверное, произошла путаница.

– Ваш муж учитель, так? – спросил он.

– Да, – ответила Диана. – Но все равно тут какая-то ошибка. Мы не собираемся продавать дом.

Мужчина извинился и ушел.

– Он не был похож на человека, который выбирает себе дом, – сказала мне позже жена.

– А кого он напоминал? – спросил я.

– Одного из твоих учеников.

– Из школы?

– Нет, из другого места.

* * *

Потом произошло вот что.

Парень из тюремной охраны по прозвищу Толстяк Томми сказал мне в вестибюле, что скоро я получу коленкой под зад.

– Что это значит? – удивился я.

– А то и значит, что тебе дадут коленом под зад, – повторил он.

В Толстяке Томми было больше трехсот фунтов. Мне рассказывали о его забавах – он укладывал в камере провинившегося заключенного лицом в пол и садился верхом.

– Почему? – поинтересовался я.

– Сокращение. Думаю, кто-то нашел лучшее применение нашим налогам, чем обучать придурков читать.

Я спросил его: не знает ли он, когда меня рассчитают?

– Не-а. Но на твоём месте я бы не начинал с ними проходить «Войну и мир».

Толстяк Томми рассмеялся, сотряся все три своих подбородка.

* * *

И наконец, третье событие.

В конце девятой части автор сделал приписку. Сначала я решил, что это продолжение повествования. Слова Чарлза Лусинде. Или самому себе. Но нет, вопрос был обращен ко мне. Авторское отступление.

«Ну как рассказик, пока нравится?» – вот что я прочитал.

Мне, кстати, не нравилось.

Прежде всего потому, что повествованию не хватало напряженности.

А напряженности не хватало потому, что отсутствовал основополагающий момент.

Неожиданность.

Напряженность возникает в том случае, если читатель не догадывается, что произойдет дальше.

А я заранее все знал.

Например, что ожидает героев за дверью номера 1207. Что произойдет, когда они выйдут в коридор. Что будет творить с Лусиндой незнакомец на протяжении следующих четырех часов.

Помнил из предыдущей жизни.

Той жизни, когда просыпался по утрам и недоумевал, почему не хочется вставать.

Принимал душ, одевался и старался не смотреть на лежащий на кухонном столе глюкометр. Ездил пять раз в неделю на поезде 8.43 до Пен-стейшн. За исключением одного дня в ноябре. Когда опоздал из-за дочери и сел на электричку 9.05. Когда бросил поверх газеты неосторожный взгляд и кондук-

тор потребовал у меня билет, который я не купил, потому что забыл снять деньги со счета.

* * *

Это была моя история.

Дальше я буду рассказывать сам.

Сошедший с рельсов. 11

После того, как Лусинда ушла, я отправился к врачу.

Он работал довольно далеко. Я вынужден был идти пешком, поскольку остался без цента. На мой сломанный нос и забрызганный кровью пиджак никто не обращал внимания. Народ замечал более диковинные явления: абсолютно голого бомжа. Женщину во всем красном на роликах. Негра, вопящего нечто вроде «Песни Ионы». Мое распухшее лицо и окровавленная одежда выпадали из зоны действия обывательских радаров.

Пока я шел, со мной случилось нечто интересное. Я начал считать кварталы. А затем переключился на положительные моменты.

Тут было что посчитать. Во-первых, жизнь. Я ведь почти не сомневался, что грабитель меня застрелит. Значит, жизнь – великое благо. Во-вторых, семья. Жена не знает, что я провел утро в отеле «Фэрфакс» с чужой женщиной. Ту женщину несколько раз жестоко изнасиловали, но тем не менее...

И дочь. Как я мог обидеть Анну, изменив ее матери? У меня было ощущение, будто я долго и тяжело болел. Но вот кризис миновал, и я вновь обрел ясность мысли.

Доктор Джейф спросил меня, что произошло.

– Оступился, когда выбирался из такси, – ответил я.

– Охо-хо, – улыбнулся он. – Не представляете, сколько раз

мне доводилось слышать подобный ответ.

– Не сомневаюсь.

Он вправил мне кости и дал пузырек кодеина:

– На случай, если боль усилится.

Меня так и подмывало сказать, что боль и без того невыносима, но я сдержался. В конце концов, я сам накликать беду. Прогулка в сто тридцать кварталов на арктическом сквозняке привела меня в чувство.

От врача я двинулся на работу – решил не спешить домой: пусть этот день пройдет, как все остальные. Он поздно начался – и с утра, о котором я предпочитал не вспоминать. Но разве впереди мало времени? Завтра – снова утро и день. И потом, и потом... Я возвращался к прежней жизни семимильными шагами.

Сослуживцам я выдал ту же версию, что и доктору Джейфу: такси, яма на мостовой, фатальное падение. Меня спрашивали и Уинстон, и Мэри Уидгер, и три четверти моей творческой группы. Все сочувствовали и старались не смотреть на мой нос и черные подглазины, от которых я стал похож на енота.

Очувтившись в кабинете, я ощутил нечто вроде облегчения – обрадовался привычной среде. Кабинет, в последнее время вызывавший только грусть и чувство безысходности, вдруг показался на редкость милым. Как и жизнь, щедрость которой я был склонен прежде недооценивать. Меня окружали знакомые вещи – телефон, компьютер, диван, кофей-

ный столик. Награды, когда-то присужденные мне, – золото, бронза, серебро. (Кто знает! Возможно, назло недавним передрягам я сумею заслужить еще.) Стол, на нем фотография: Диана, Анна и я на побережье Карибского моря. Моя семья. Она уверена, что я ее люблю. И я ее любил.

Но, глядя на эту фотографию, я вспомнил о другой – той, что лежала у меня в бумажнике. Насильник пялился на нее и испоганил своими пальцами. И она до сих пор у него.

– Дарлин, – позвал я.

– Да. – Секретарша появилась с видом материнской озабоченности.

– Я сейчас заметил, что потерял бумажник. Наверное, он вывалился, когда я упал на асфальт.

– Какая неприятность!

– Вы не могли бы обзвонить компании и приостановить действие моих кредитных карточек?

– Нет.

– Почему?

– Вы должны сделать это сами. В компаниях не станут ни с кем разговаривать, кроме владельца карточек.

– Хорошо, идите.

Мне следовало об этом знать. Как и о многом другом. Например, о том, что убогие гостиницы выглядят убого, потому что они действительно убогие. Что такие места привлекают всяких подонков с криминальными наклонностями. Подобные типы околачиваются в коридорах и поджидают, когда их

дорожки пересекутся с теми, кто приходит изменить своим супругам. Мне перевалило за сорок, а я был наивен, почти как младенец.

Я позвонил в компании «Американ-экспресс», «Виза» и «Мастер-кард». В наши дни заблокировать карточки просто. называешь девичью фамилию матери – и дело в шляпе: карточка аннулируется. Я представил, как где-то в супермаркете тому человеку говорят, что его карточка не годится. И другая. И третья.

Тут я сообразил, что и Диана в магазине услышит аналогичный отказ. Шел четвертый час. Жена уже дома. Надо позвонить и предупредить.

Она подняла трубку на четвертый звонок. Услышав ее «алло», я испытал нечто вроде благодарности. Благодарности Всевышнему, если таковой существует. Благодарности за то, что он извлек меня из гостиницы «Фэрфакс» целым и невредимым, относительно, конечно.

– Ты не поверишь, что за денек у меня выдался, – сказал я жене.

И она бы не поверила.

– Что случилось?

– Я сломал нос.

– Что ты сломал?

– Нос. Вылезал из такси и шлепнулся на тротуар.

– О, Чарлз...

– Не беспокойся, все в порядке. Я был у врача, он вкатил

мне такую дозу кодеина, что впору усыпить лошадь. Мне теперь не больно.

Я лгал. Я чувствовал боль, но она была сродни епитимьи и стоила того, чтобы испытать неподдельное облегчение.

– О, Чарлз, почему ты не пошел прямо домой?

– Я же тебе сказал, что все нормально. А здесь у меня дела, нужно, например, триста раз подряд прочитать «Аве Мария» и зализать раны.

– Ты уверен?

– Да.

Меня тронуло искреннее сочувствие, прозвучавшее в ее голосе. Оно возможно только, если долго живешь с человеком и делишь с ним радости и беды. Оно осталось, несмотря на то что в последнее время мы разучились понимать друг друга и выражать понимание физически. Но оно всегда было у нас. Мне почти захотелось исповедаться и отдаться на милость суду. Впрочем, каяться-то не в чем – разве не так? Жизнь вернулась к моменту, предшествовавшему тому, когда я заметил белое бедро и покачивающуюся в такт движению вагона черную туфельку.

– Вот еще что... – продолжил я.

– Что?

– При падении я потерял бумажник. Я же сказал, несчастный денек.

– Бог с ним, с бумажником. Меня больше тревожишь ты.

– Я позвонил в компании и заблокировал действие кре-

дитных карточек. Так что можешь их выбросить. Завтра нам пришлют новые – по крайней мере обещали.

– Хорошо. Будем надеяться.

Я прошептал: «Я тебя люблю» – и уже собирался повесить трубку, как Диана сказала:

– Чуть не забыла.

– Да?

– Тебе звонил мистер Васкес.

– Мистер – кто?

– Мистер Васкес. Он сказал, что у вас был деловой ленч в отеле «Фэрфакс». И он забыл тебе что-то сообщить. Чарлз?..

– Да?

– Почему он не позвонил тебе на работу?

Сошедший с рельсов. 12

Я позвонил Лусинде на работу и наткнулся на автоответчик:

– "Здравствуйте, это Лусинда Харрис. Меня сейчас нет, но вы можете оставить мне краткое сообщение. Я вам перезвоню".

И я оставил краткое сообщение – что-то вроде «Помоги!» Этого слова я, конечно, не сказал. Но мысль – вот что главное.

– Мне необходимо с тобой поговорить, – сказал я. – Тот человек... из отеля... он мне звонил.

Я старался, чтобы в голосе не была слышна паника. Так же, как при разговоре с Дианой после того, как услышал про Васкеса. Но и в том и в другом случае не добился успеха.

– Ты в порядке? – спросила жена.

– Это от кодеина, – соврал я. – Немного одурел.

А следовало бы признаться, что это мистер Васкес привел меня в ужас.

В кабинет заглянул Элиот и выразил сочувствие по поводу моей травмы. Наверное, хотел восстановить отношения – все-таки мы были друзьями. Не просто сослуживцами – начальником и подчиненным. Элиот все эти годы являлся моим наставником. Разве не он подталкивал меня вверх, всячески продвигал и щедро поощрял? Я ошибался, когда винил

его в том, что меня отстранили от выгодного проекта. Это было не его рук делом, а Эллен Вайшлер и ее банды четырех. Элиот закопал томагавк ссоры, он снова предлагал мне дружбу.

А я теперь очень нуждался в друге.

– Как сильно ты меня любишь? – спрашивал я Анну, когда она была совсем маленькой.

– От земли до луны, – отвечала она.

А иногда:

– До бесконечности.

Вот так и я нуждался в друге: немедленно и до бесконечности.

Мне хотелось облегчить душу и все ему рассказать. Я бы начал: «Ты ни за что не поверишь. Понимаю, это звучит смешно. Я познакомился с женщиной». И он бы кивнул, подмигнул и улыбнулся, ибо у Элиота в прошлом два брака, третий сейчас поддерживает его существование.

«Я познакомился с женщиной, но она замужем», – доложил бы я. И он улыбнулся бы шире, если такое возможно. Ибо Элиот тоже крутил романы с замужними женщинами. «Я с ней ездил в гостиницу», – признался бы я. И он придвинулся бы ближе и весь обратился в слух. Ибо что пикантнее и восхитительнее чужого рассказа о любовных похождениях. Только свой собственный.

«Мы были вместе в гостинице, – продолжил бы я. – Но когда собирались покинуть номер, к нам ворвался какой-то

тип». И он посерьезнел бы, ибо понял: дело начинает принимать трагический оборот.

Элиот спросил, не встревожен ли я.

– Нет, – ответил я.

– Может, тебе лучше пойти домой. У тебя бледный вид.

– Это из-за носа.

– М-да... нос выглядит неважно.

– Что есть, то есть.

– Наверное, тебе все-таки лучше пойти домой.

– Пожалуй, пойду.

Элиот похлопал меня по спине. Снова друзья.

* * *

Итак, я отправился восвояси.

«Почему он позвонил тебе домой, Чарлз?»

Чтобы доказать, что он на это способен, Диана.

Я взял деньги, проходящие по статье «Мелкие расходы», и купил билет на поезд – на место преступления, где я пожелал чужую жену, то есть покусился на чужую жизнь. Однажды вечером, когда мне было восемь лет и меня совершенно достали непрекращающиеся язвительные замечания родителей, я засунул в рюкзак шлем для игры в американский футбол и смену белья и объявил, что убегаю из дома. И смылся – миновал один квартал, другой... Этого хватило на то, чтобы понять: за мной никто не погонится. Я остановился

среди кружащихся осенних листьев, повернулся и поплелся обратно. Через тридцать пять лет я снова вырвался из дома. И опять возвращался, но на сей раз опрометью.

Я сидел в вагоне, когда зазвонил сотовый. Секунду я опасался: вдруг окажется деловой партнер из отеля «Фэрфакс»? Но этого не могло быть – он не знал номера моего мобильного. Зато его знал другой человек.

– Привет, – сказала Лусинда.

Голос звучал иначе, нежели утром. К ней вернулись эмоции. Но не те, к которым я привык. *Страх*. Сначала полная бесстрастность, а теперь страх. И все на протяжении одного дня.

– Он позвонил мне домой, – сообщил я.

– Добро пожаловать в гребаный клуб.

– Что?

– Сюда он тоже звонил, – прошептала она, словно не хотела, чтобы ее услышали. Наверное, муж был дома.

Я очень надеялся, что мне домой звонил не насильник, а какой-нибудь добрый самаритянин: нашел мой распотрошенный бумажник в вестибюле гостиницы и решил передать владельцу.

Теперь надежда рухнула.

– Ты с ним говорила?

– Да.

– Что он хочет? – Вот вопрос на миллион долларов: прежде чем действовать, надо знать, чего от тебя хотят.

– Я не поняла.

– Но он что-то сказал?

– Спросил, как я его нашла.

– Как ты его нашла? Не понимаю...

– Получила ли я удовольствие. Вот что он хотел знать. Он желал подтверждения. Разве не об этом спрашивают мужчины после того, как... – Лусинда не закончила фразы. Даже притворная бравада имеет свои пределы.

– Прости, Лусинда.

Снова извинения. У меня было такое чувство, что мне придется просить у нее прощение каждый день всю оставшуюся жизнь. А потом просить прощение на том свете. И все равно будет недостаточно. Но были и другие люди, перед которыми я обязан был извиниться.

– Мне кажется, он хотел узнать... – начала она.

А я вдруг понял, что говорю чересчур громко. На меня начали обращать внимание немногочисленные пассажиры: женщина со множеством пакетов из «Блумингдейла»¹⁶ на сиденье напротив и устроившиеся через проход две девчушки с колечками в носках, держащиеся за руки.

– Что? Что он хотел узнать? – нетерпеливо переспросил я.

– Предприняли мы что-нибудь или нет. Не заявили ли в полицию.

Мы не пойдем в полицию. Я обещал.

¹⁶ «Блумингдейл» – один из крупнейших универсальных магазинов в Нью-Йорке. Основан в 1872 г. Дж. и Л. Блумингдейлами.

Такие обещания в угаре страха дают большинство жертв насилия. Но господин Васкес наверняка поверил мне. «И кто это тут? Гадом буду, точно не ты», – сказал он Лусинде. «Парень, Чарлз, на тебя нисколько не похож», – мне.

Васкес искал, кого ограбить сегодня утром. И нашел идеальные жертвы. Потому что мы вынуждены будем скрывать ограбление.

– Что делать?

Лусинда задала мне тот же вопрос, что и я ей в гостиничном номере. Похоже, и ей показалось: в нашем случае любые меры недостаточны.

– Не знаю.

– Чарлз...

– Да?

– А что, если он...

– Что?

– Не важно.

– Если он что, Лусинда?

В сущности, я не хотел знать, что она намеревалась мне сказать. Не желал это услышать. Только не теперь. Не сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.